

РОВЕСНИК

6

1975

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Июнь, 1975 год

На первой странице обложки: почти 1200 делегатов и гостей собрала проходившая в апреле в нашей стране встреча студентов социалистических стран.

На снимке фотокорреспондента Н. Старостина вы видите студентов из Польской Народной Республики перед зданием МГУ.

«КОРОЛЕВСТВО БЕЗ КОРОЛЯ И ПОДДАННЫХ»
и
другие материалы к Международному дню защиты детей

УЧАСТНИКАМ ВСТРЕЧИ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Дорогие друзья!

Мне доставляет большое удовлетворение от имени Центрального Комитета КПСС сердечно приветствовать вас, участников встречи студентов стран социализма — достойных представителей молодежи нового, социалистического мира, олицетворяющего завтрашний день, будущее планеты!

Вы собрались на свою встречу накануне знаменательной даты — 105-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина. С именем Ленина, основателя нашей партии, создателя первого в мире социалистического государства, связан коренной поворот в истории человечества — поворот от капитализма к социализму. Великая мудрость и энергия ленинской мысли воплощаются в исторических победах мировой социалистической системы, международного коммунистического и рабочего движения. Радостно сознавать, что молодежь, студенчество социалистических стран черпают в марксизме-ленинизме неиссякаемые силы и вдохновение в борьбе за утверждение социализма и коммунизма.

Ваша встреча проходит в дни, когда советские люди, народы социалистических стран, все прогрессивное человечество отмечают знаменательную годовщину — 30-летие Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом, явившейся событием всемирно-исторического значения. Старшее поколение — участники этой великой битвы с глубоким волнением вспоминают трудные фронтовые дороги, огненные годы войны, когда закалялось боевое братство коммунистов наших стран, проявивших себя подлинными патриотами, интернационалистами, последовательными борцами за свободу и независимость народов. Победа советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. убедительно подтвердила, что именно социализм является надежным оплотом мира, демократии и социального прогресса.

Наша молодежь свято хранит и преумножает эти традиции, крепит единство народов социалистического содружества. Социалистическое общество предоставляет молодежи неограниченные возможности для образования, всестороннего и гармоничного развития, вдохновенного, созидательного и по-настоящему свободного труда. Вам, всей молодежи социалистических стран, сынам и дочерям рабочих, крестьян и народной интеллигенции, предстоит продолжить дело строительства социализма и коммунизма. Для этого прежде всего надо стать всесторонне подготовленными специалистами, глубоко и творчески владеть марксистско-ленинской теорией, богатствами мировой культуры, профессиональным мастерством, наиболее полно использовать достижения научно-технической революции и преимущества социалистической системы хозяйствования. Сплав твердых коммунистических убеждений, высоких моральных качеств и фундаментальных знаний, умение с классовых позиций оценивать все явления общественного развития отличает специалиста социалистического общества, ставящего превыше всего интересы партии и народа. И очень хорошо, что уже в студенческие годы вы сочтаете успешную учебу с активным участием в созидательном труде, научном поиске и общественно-политической жизни.

Дорогие товарищи!

Последние годы отмечены успехами в борьбе за упрочение мира и разрядку международной напряженности, которую наша партия и Советское государство ведут совместно с братскими странами социализма. Мы решительно выступаем в поддержку революционных сил и национально-освободительного движения, против происков империализма и агрессии. Это ясный и честный курс. Он близок и понятен всем людям труда. Посвятить свою жизнь, отдать всю революционную страстность и энергию делу полного и окончательного торжества на земле идеалов мира, демократии и социализма — высокий смысл жизни коммунистов. Какая это великая и прекрасная цель для молодежи!

Нет сомнения, что настоящая встреча будет способствовать дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества студенчества и союзов молодежи наших стран в борьбе за претворение в жизнь планов социалистического и коммунистического строительства.

От всего сердца желаю вам, молодому поколению социалистических стран, успехов в этом большом и поистине благородном деле!

Л. БРЕЖНЕВ,
Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

С 12 ПО 18 АПРЕЛЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРОХОДИЛА ВСТРЕЧА СТУДЕНТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

К СТУДЕНТАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Дорогие друзья!

Нам выпала большая честь представлять многомиллионный отряд учащихся высшей школы на первой встрече студентов социалистических стран, состоявшейся в СССР, на родине Великого Октября, на родине бессмертного Ленина.

Советская система образования получила мировое признание. Ее успехи ярко и убедительно демонстрируют преимущества социалистического строя. Она наиболее полно отвечает потребностям социального и научно-технического прогресса. Бесценный опыт подготовки современных специалистов накоплен всеми братскими странами.

У каждого участника встречи было о чем рассказать. Мы учились друг у друга, делились своими успехами, радостями, заботами. И все мы стали богаче, глубже осознали возможности и преимущества социалистической системы подготовки специалистов, роль и место студенчества в социалистическом и коммунистическом строительстве, полнее прочувствовали великую объединяющую силу наших народов — социалистический интернационализм.

Мы собрались в канун больших событий — 105-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, 30-летия Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом.

Каждый из нас пережил волнующие, незабываемые минуты на Красной площади, в Мавзолее Ленина.

Ленин!..

Снова и снова мы обращаемся к нему — нашему идейному вождю, нашему учителю, человеку, чья жизнь стала для миллионов и миллионов людей непревзойденным примером служения трудовому народу. Его учение было, есть и будет путеводной звездой в борьбе за построение нового общества. В делах коммунистических и рабочих партий, в свершениях социалистических государств раскрывается творческая сила марксизма-ленинизма, неиссякаемого источника революционной мысли и революционного действия.

Во имя торжества коммунистических идеалов мы призываем вас, дорогие друзья, — учиться, работать и бороться по Ленину!

С вершины минувших десятилетий со всей грандиозностью предстает всемирно-историческое значение Победы над гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом. Юноши и девушки социалистических стран выражают глубочайшую признательность советскому народу, его доблестной армии, Коммунистической партии Советского Союза, вынесшим на своих плечах основную тяжесть войны. Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме ударных сил мирового империализма, осуществил освободительную миссию, с честью выполнил свой интернациональный долг. Разгром германского фашизма и японского милитаризма создал благоприятные условия для борьбы трудящихся масс за социализм, возникновения мировой социалистической системы.

Мы склоняем головы перед светлой памятью бесстрашных сынов и дочерей наших народов, павших смертью храбрых в боях за свободу и независимость.

Советские воины-победители, бойцы народно-освободительных сил, мужественные подпольщики, партизаны сражались, чтобы люди земли никогда больше не знали войны. Они шли на смерть, чтобы вечно горел огонь жизни. Дорогой ценой заплатили народы за наше сегодняшнее счастье.

Никто не забыт, ничто не забыто! Будем отстаивать мир, бороться за него, крепить могущество социалистического содружества!

Организаторами и вдохновителями разгрома фашизма были наши славные коммунистические и рабочие партии. Беспримерное мужество, революционная энергия, несгибаемая воля коммунистов всегда зажигали сердца молодежи неугасимым стремлением к беззаветному служению интересам трудящихся, созиданию и творчеству. Для всего молодого поколения они — самый высокий авторитет.

Коммунисты!.. Нет более чистого, притягательного и благородного звания на земле!

В наших странах созданы хорошие возможности для творческого труда, учебы, общественной деятельности, всестороннего, гармоничного развития личности. В учебных аудиториях и цехах заводов, на полях и фермах, в научных лабораториях и студенческих строительных отрядах, вместе с рабочими и крестьянами, в кипучей и разносторонней деятельности наших союзов молодежи проходят жизненные университеты миллионны юношей и девушек.

В науке, подчеркивал Карл Маркс, нет широкой столбовой дороги, к ее сияющим вершинам ведут крутые каменистые тропы. Плоть от плоти, кровь от крови трудового народа студенчество понимает, что только упорной и настойчивой учебой можно овладеть знаниями, накопленными человечеством.

Социалистическое общество предъявляет высокие требования к современному специалисту. И мы призываем каждого студента и студентку за годы учения в совершенстве овладеть марксистско-ленинской теорией, профессиональными знаниями и навыками, высокой культурой и широкой эрудицией. Выработать твердое марксистско-ленинское мировоззрение, стать настоящим специалистом своего дела, способным вместе со всем народом решать величественные задачи строительства социализма и коммунизма, активно способствовать социальному и научно-техническому прогрессу страны — почетная обязанность и долг каждого студента в социалистическом обществе.

За отличную учебу, друзья! В поход за глубокие, прочные знания!

Студенты социалистических стран верны интернационалистским традициям старших поколений и гордятся тем, что живут в дружной семье народов, строящих социализм и коммунизм. Крепить единство и сплоченность молодежи и студентов социалистического содружества, делать все, чтобы в нем люди земли видели прообраз мирового сообщества свободных народов, — во имя этой благородной цели будем жить и бороться!

Участники встречи горячо одобряют и поддерживают согласованную внешнюю политику братских партий, успешное претворение в жизнь Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС, которые верно служат делу мира и безопасности, интересам борьбы народов против агрессии и империализма.

Дорогие друзья!

В канун Международного дня солидарности молодежи, в канун Первомая мы обращаемся к вам с призывом и впредь неустанно крепить солидарность, последовательно выступать в одних рядах с молодыми борцами против империализма, колониализма, неоколониализма и апартеида, против фашистских и диктаторских режимов, за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс.

Будем активнее участвовать в разносторонней деятельности Международного союза студентов и Всемирной федерации демократической молодежи, во Всемирной кампании «Молодежь за антиимпериалистическую солидарность, мир и прогресс».

Мы призываем студенчество и молодежь всемерно содействовать подготовке и успешному проведению XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов на латиноамериканском континенте в братской социалистической Республике Куба.

С чувством горячей благодарности и признательности заверяем родные коммунистические и рабочие партии, что студенческая молодежь наших братских стран будет отлично учиться, самоотверженно трудиться, отдаст все свои силы, энергию, знания делу коммунизма!

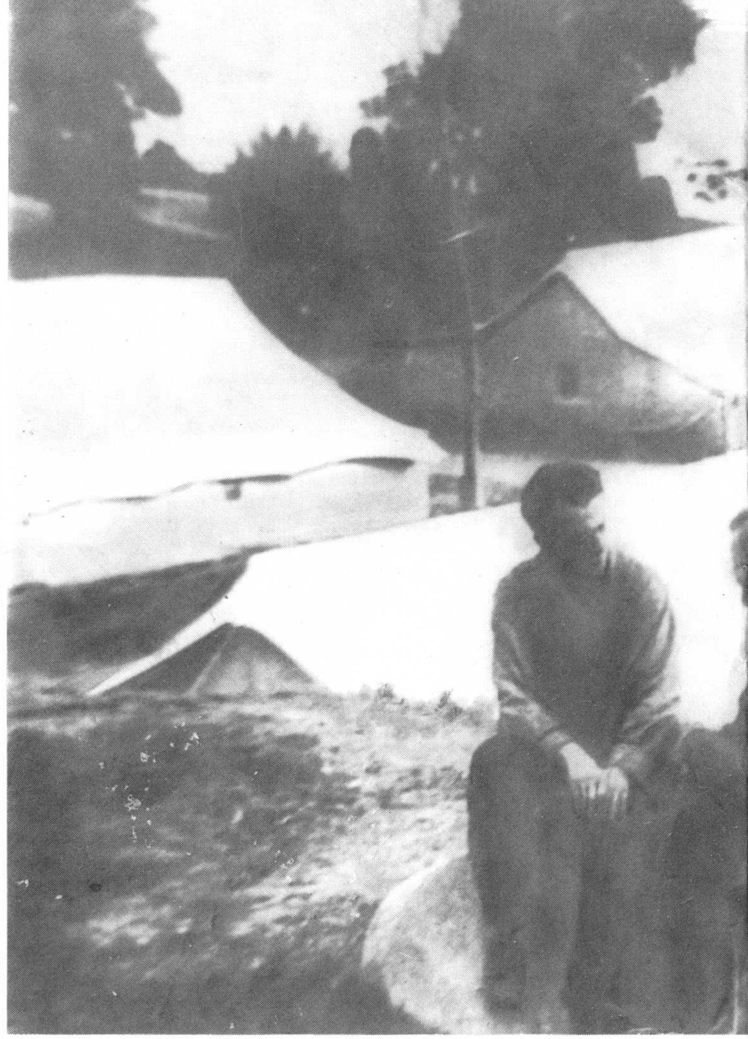
Да здравствует социалистический интернационализм!

Под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством коммунистических и рабочих партий — вперед к победе коммунизма!

Участники встречи студентов
Народной Республики Болгарии
Венгерской Народной Республики
Демократической Республики Вьетнам
Германской Демократической Республики
Республики Куба
Монгольской Народной Республики
Польской Народной Республики
Союза Советских Социалистических Республик
Чехословацкой Социалистической Республики

Москва, апрель 1975 г.

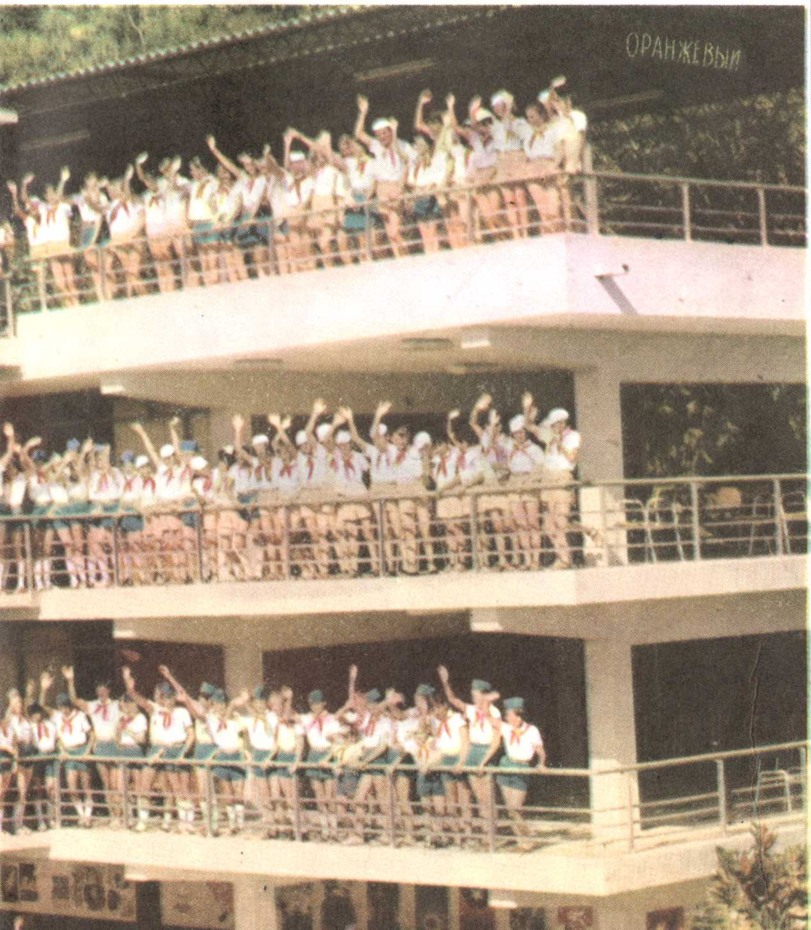

смотрите: АРТЕК.

1925—1975

На предыдущем развороте «Ровесника» вы видели фотографии, которые разделяет 50 лет. Романтические, нехитрые в устройстве первые палатки Артека и один из первых артековцев. А рядом Артек сегодняшний: стремительные линии современной архитектуры, колонна ребят в ладной форме...

Фотографии эти, сделанные во Всесоюзном пионерском лагере, отмечающем полувековой юбилей, запечатлели не только время; в них еще один более значительный смысл: бедной ли, богатой — наша страна всегда отдавала все лучшее из того, что имела, детям. И не только своим. И не только в Артеке.

История свидетельствует: в начале 1919 года был принят подписанный В. И. Лениным Декрет об учреждении Совета защиты детей. Голодная и холодная страна провозгласила законом заботу о том, чтобы ее дети были одеты и обуты, согреты и сыты. И в те же дни голодающие рабочие Питера отправляют эшелон черных сухарей голодающим немецким детям.

С той поры для нас стало законом — не бывает чужого детского горя. Старшие помнят, с каким радушием принимала наша страна ребятишек республиканской Испании, как делились своим пайком с венгерскими и чешскими, немецкими и польскими детьми советские солдаты в годы войны. Многие из нынешних читателей «Ровесника» сами принимали участие в снаряжении кораблей солидарности с подарками для вьетнамских школьников, сами трудились на субботниках солидарности с народом, а значит, и детьми Чили.

Каждый год 1 июня мы отмечаем Международный день защиты детей. 50-летняя история Артека — лагеря, который известный французский писатель-коммунист Анри Барбюс называл «королевством без короля и подданных», — свидетельство реальной заботы и внимания к детям, черты, без которой наше общество не представишь.

Фото Р. Озерского

„КОРОЛЕВСТВО БЕЗ КОРОЛЯ И ПОДДАННЫХ"

Ю. ЛЕКСИН

Цвел миндаль. Свет еще не погас над морем, и темный, корявый ствол, державший на себе огромное белое облако цветов, ронял их, окружаясь таким же белым кругом. От цветения, казалось, должен происходить какой-то звук, тонкий и прохладный, — не может же быть, чтобы его не было! Но звук не происходил, не рождался, и странно это было.

Вожатая невдалеке, окруженная толпой ребят, что-то негромко рассказывала, а дети, как птицы в одной стае, поворачивали головы одновременно и подолгу смотрели в ту сторону, куда показывала она. Я подошел ближе.

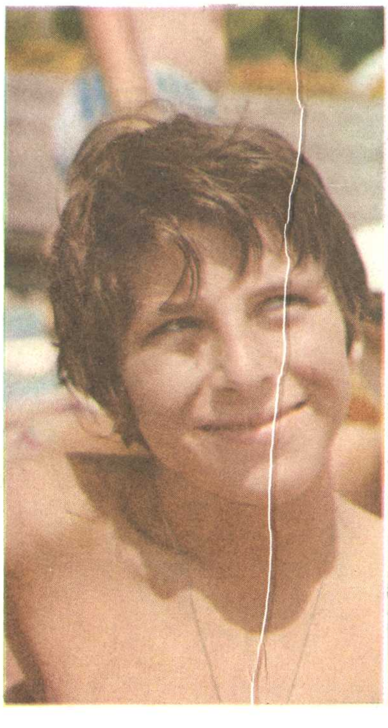
— Медведь-гора, — с таинственностью в голосе говорила она, — не просто гора... Ученые утверждают, что это погасший вулкан. Представьте, как он кипел, текла лава, шипело море... Не страшно?

— Нет! — закричали дети.

— И вот мы с вами встанем однажды, — опять таинственно говорила она, — а он проснулся...

Трудно представить себе, как им хотелось этого: проснуться однажды и увидеть, как задышал Медведь и из спины его вместо клочьев шерсти летят, зависая в воздухе, огненные камни и шлепаются в воду.

— Зарядки не будет! — выдохнул мальчик со сверкающими

глазами. И все засмеялись, и вулкан погас. Они умолкли, вожатая глядела на меня, видя, что я хочу что-то спросить. А я действительно хотел. Мне надо было узнать: неужели они забудут все это? Пройдет время, и ничего не останется...

— Ни за что! — закричали они.

А тот, что выкрикнул про зарядку, торопясь, боясь, что его опередят, заговорил быстро-быстро:

— Мы о встрече договорились... Давно-давно, сразу... В Москве, через пять лет. Мы письма писать будем, мы...

И слова кончились у него, он мог лишь улыбаться. Мне же пришло в голову, что это ведь только кажется, что все, кто был здесь, до сих пор дети. Те, давнишние, что были здесь много лет назад, ясное дело, давно уж не дети. Хоть тот же Кен Брайан, оставивший здесь свой дневник. А ведь давно это было — где-то сразу после войны, и все равно словно сейчас, вчера.

Дневник Кена Брайана

Крым. 11 июня. ...Сначала мы ехали по стране, которая немного напоминала мне Калифорнию. Такие же холмы, дорога идет то вверх, то вниз. Потом начались горы, и скоро я увидел далеко под нами Черное море. Это было очень красиво!

Лагерь расположен на самом берегу, а сзади полукругом горы, и кажется, что ты на дне огромного котла. А если повернуться к морю, то слева видна Медведь-гора. Очень похоже: лежит медведь и пьет воду из моря.

Ко мне сбежались советские пионеры, они принесли мне розы и подарили книжечки об Артеке. Они очень хорошо приняли меня. Но скоро я почувствовал, что мне как-то не по себе, не знаю почему. Может быть, потому, что никто из пионеров не понимал по-английски, а я по-русски знал всего несколько слов? Или потому, что тут не было моих друзей... Но скорее всего мне было грустно, что мамми и дэдди [1] далеко, далеко, и мне очень хотелось к ним.

За обедом у меня не было аппетита. Я встал из-за стола и пошел бродить по парку. Потом из столовой вышел молодой джентльмен, это был вожатый нашей группы. Его звали Георгий Петрович. Он стал ходить рядом со мной и не говорил ни слова, просто гулял со мной вместе. Так мы бродили часа два. Потом я устал и опустился на землю. Георгий Петрович тоже уселся и сказал: «Может быть, поговорим?» Я ответил: «Хорошо». Георгий Петрович сказал, что во время нашей прогулки он все время думал, как ему начать разговор со мной. Может быть, я сам ему помогу?

Георгий Петрович спросил, как я себя чувствую и почему у меня такой грустный вид. Он рассказал мне об Артеке и о том, что делают здесь пионеры, а потом стал расспрашивать, чем я особенно интересуюсь. Я не знаю, как Георгий Петрович сделал это, но у меня стало немного легче на душе.

Я сейчас лежу в постели. Завтра позвоню мамми и дэдди и скажу им, думаю я здесь оставаться или нет. Они хотели, чтобы я прожил в Артеке три недели. А я, может быть, пробуду только несколько дней.

12 июня. Утром мне было опять грустно. Георгий Петрович заметил это. Он подошел ко мне и сказал, что после завтрака меня будут торжественно принимать в пионерский отряд. Я обрадовался. Он быстро собрал ребят. Мне подарили пионерский значок, несколько открыток с видами Артека и повязали на шею галстук. Потом перевели обещание, которое произносят пионеры. Обещание мне очень понравилось, я его понял так: «Все за одного, один за всех». Теперь я увидел, что у меня будет здесь много друзей. И мне стало совсем хорошо.

Мы принялись разговаривать о скаутах и пионерах. Когда я собирался в Россию, я взял с собой свой скаутский костюм. Ребята задавали мне вопросы об американских скаутах, о значках и всяких наших правилах. Я подумал и ответил, что оставлю книжечки об американских скаутах для международного клуба в Артеке, а из дома пришлю еще. Я сказал, что американским школьникам надо переписываться с советскими и дружить с ними.

Вечером я звонил родителям и сообщил им, что чувствую себя хорошо и решил остаться в Артеке на две недели.

13 июня. Сегодня я узнал одну вещь, которая меня расстроила. Оказывается, все пионеры уезжают из Артека через четыре дня. Они уже пробыли здесь больше месяца, а всего срок сорок дней. Теперь им пора домой. Приедет новая группа, но мне будет опять одиноко, как в первый день. У меня уже завелись приятели... Мне вообще понравились ребята моего звена. Я никогда не забуду их — и вот почему. Я стал спрашивать их и вдруг узнал, что у многих русских детей на войне погибли родители. У меня сжалось сердце, и я перестал их расспрашивать. А вечером, лежа в постели, я много думал о том, как тяжело пришлось русским ребятам во время войны, и мне не спалось.

15 июня. Сегодня у меня был очень хороший день. Во-первых, я все время играл в теннис. А во-вторых, один мальчик подарил мне книгу. Я даже не знал его имени, мы только играли с ним в теннис. И вот он обошелся со мной, как лучший друг...

16 июня. Сегодня все они уехали. Были здесь, а теперь их нет... Некоторые ребята заплакали, когда прощались. Я заплакал тоже. Я не помню, чтобы я когда-нибудь плакал, а теперь мои друзья уезжали, и я не мог удержаться от слез.

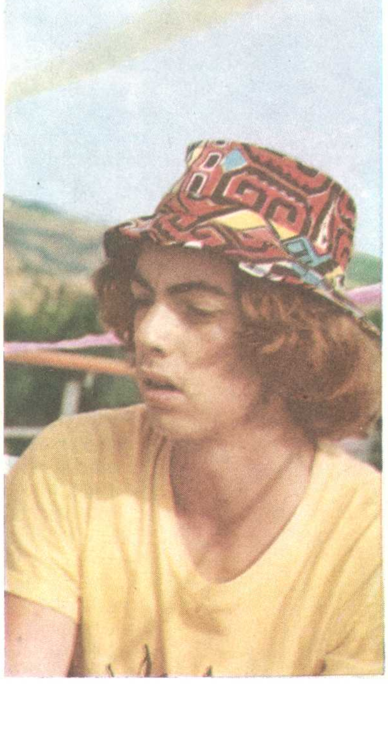
Я попрощался с ними и убежал в палатку, чтобы не видеть, как они садятся в автобус. Мой друг Коля пришел в палатку. Он сказал: «Плакать не надо, это ни к чему». Мы обнялись. И я увидел, что у него тоже были слезы на глазах.

18 июня. Теперь я работаю с вожатыми, мы готовим лагерь к приезду новых ребят. Мы проработали целый день, а потом пошли удить рыбу. Вожатые очень добры ко мне, они стараются меня развеселить и очень заботятся обо мне. Я ем и сплю с ними в одной палатке, и мы вместе проводим все время.

В то утро, когда пионеры уехали, кухня у нас в четвертом лагере не работала. Было решено, что мы позавтракаем в доме директора лагеря. И мы пошли в соседний городок Гурзуф покупать продукты. Купили сосиски, компот, мексиканские ана-

[1] *Мама и папа* (а н г л.).

насы, яйца, хлеб, масло, сыр, какао и шоколад. Все это мы притащили в лагерь. Вот был завтрак! Мы ели, пели песни и разговаривали об очень интересных вещах.

Во время завтрака с пионервожатыми я подумал вот о чем. Мы очень веселились и много шутили, но я все время чувствовал уважение к ним, потому что они мои руководители.

Я хочу описать Георгия Петровича, потому что он такой, каким должен быть хороший руководитель пионеров. Сначала он мне показался старше, чем на самом деле. Ему 21 год. Он учится в институте и будет учителем. Он просто замечательно обращается с ребятами. Георгий Петрович строго следит за тем, чтобы пионеры соблюдали «мертвый час» после обеда. Ребята много спорили об этом, я говорил, что «мертвый час» должен продолжаться не два часа, а один, а во второй час ребятам можно было бы читать, лежа в кроватях, таково мое мнение. Георгий Петрович строг и во всем другом, что касается распорядка дня и лагерных правил. Но он так терпелив и ласков! Я ни разу не слышал, чтобы он поднял голос и закричал на кого-либо. Когда пионеры позавчера уезжали, я видел, что и Георгий Петрович готов был плакать.

20 июня. Сегодня приехали новые пионеры. Я остался с Георгием Петровичем в его новом отряде. Большинство ребят в отряде старше меня, некоторым по 14 и 15 лет... Я уже завел нескольких хороших друзей. Но Колю и тех других ребят я все-таки забыть не могу.

С русским языком у меня все лучше и лучше. Я уже почти все понимаю, что говорят ребята и вожатые. Я решил: пробуду здесь все три недели.

25 июня. Теперь я твердо уверен, что нигде в мире нет такого лагеря, как Артек. Его открыли после первой мировой войны, когда в России была революция и гражданская война [1]. Тогда многим русским детям жилось плохо, они голодали, было много сирот...

Мне говорили, что в Советском Союзе сотни других пионерских лагерей, только не таких больших, как Артек... Мне кажется, было бы чудесно, если бы побольше американских мальчиков и девочек могли приезжать в Артек и другие лагеря, а советские дети пусть ездят к нам. Мы очень много узнаем друг о друге и вместе будем мирно жить.

27 июня. Двое американских ребят приехали в Артек! Одному 10 лет, другому 13. Это сыновья американского писателя Виктора Перло. И вот что удивительно. Они приехали из городка Кротон на Гудзоне, штат Нью-Йорк, где наша семья жила до того, как мы пять лет назад переехали в Калифорнию, в Лунную долину. Там когда-то жил Джек Лондон.

Георгий Петрович говорил мне, что я первый американский школьник, который приехал в Артек за двадцать лет. А теперь нас уже трое! Я думаю, что будет еще больше [2].

28 июня. Дни проходят так быстро, что я просто не успеваю считать.

Моего лучшего друга зовут тоже Коля, как Колю Сазанова. Его фамилия Сергеев, он из Ленинграда. Еще одна удивительная вещь. Он сын известного артиста балета Сергеева. Мой отец пишет книгу о Галине Улановой, и он летал в Ленинград, чтобы сфотографировать ее, когда она танцует. Оказывается, с ней танцевал отец Коли Сергеева!

30 июня. Я готовлюсь к отъезду. Я очень волнуюсь, думаю о том, что скоро уеду с родителями в Калифорнию, но просто не знаю, как же я расстанусь с Артеком.

2 июля. Утром я уехал из Артека.

Было девять часов утра. День в лагере начался как обычно. На утренней линейке объявили, что я покидаю Артек. Мне поднесли цветы, много значков и фотографий. Я был очень растроган, и мне очень не хотелось расставаться с Артеком. После завтрака мы все вышли ждать автобус, провожали меня все ребята. Я едва удержался, чтобы не заплакать, и мои друзья тоже. Пришли попрощаться вожатые. Наконец я не выдержал и заплакал, во второй раз после приезда в Артек.

Коля сел рядом со мной на скамейку и старался утешить меня. Ребята затянули песню, чтобы мне было веселее, но мне стало еще горше, и они перестали петь...

Кен Брайан, Калифорния, США

«В море воды много»

Всю жизнь я думал, что сказать о море проще того неизвестного чеховского мальчика, помните: море было большое — невозможно. Но вот нашелся другой и сказал. И тоже, кстати, остался неизвестным. Сохранился только клочок его письма. Вот он: «Приехали в Нижний, купили хлеба и колбасы. Приехали в Москву. Обедали: щи с мясом и кашу. Из Москвы поехали и проехали много городов. В Курске пили чай с сахаром. Приехали в Симферополь. Купили колбасы и хлеба: на каждого по фунту хлеба и по полфунта колбасы. Потом поехали в Артек. В море воды много. В Артеке жили месяц. Кормили хорошо...» Больше ничего не осталось.

Маленький Кен не читал этого письма, а то у него опять бы сжалось сердце, и снова бы ему не спалось, как тогда, когда он думал о том, «как тяжело пришлось русским ребятам во время войны». И он действительно ошибся. Лагерь открыли 16 июня 1925 года. А еще в мае «Комсомольская правда» писала: «Центральное бюро юных пионеров при помощи Красного Креста организует на лето в Крыму для пионеров Москвы, Иваново-Вознесенска, Ленинграда и Ярославля лагерь. Под руководством тт. Семашко и Соловьева для лагеря выбрано одно из лучших мест Крыма. Лагерь явится первым опытом лагеря-санатория. В лагерь поедут пионеры, предрасположенные к туберкулезу».

А потом туда поехал тот неизвестный мальчик, у которого в памяти из многих городов остался только Курск, потому что в нем «пили чай с сахаром», а в мыслях нашлось место лишь для хлеба и колбасы да еще немножко для моря, в котором «воды много».

Из Симферополя, как позднее вспоминал первый доктор Артека, детей привозили на лошадях. И значит, так, на лошадях ехал и он, описавший свой путь. Это на дорогу, наверно, купили им в Симферополе по фунту хлеба и по полфунта колбасы на каждого... А жили они в палатках. И палаток было четыре. Больших.

А еще раньше человек, сам болевший туберкулезом, искал для лагеря место. Впрочем, не то что искал, жил там, ходил. «Я как-то в тихий осенний вечер, — вспоминал он, — бродил по берегу моря около Аю-Дага. Золотились вершины гор, тихо шумели дубы и сосны; поступь шагов моих заглушалась плеском волны. Давно не чувствовал я такой тишины, покоя и красоты. Мысленно перенесся я на улицы московских окраин, увы, все еще по старинке носящих название «фабричных», где пролетарская детвора проводит быстротечные дни в пыли, в зловонии заднего двора, среди городского шума и гама». Он первым поразился красотой этого места. Имя этого человека Зиновий Петрович Соловьев.

С той поры минуло пятьдесят лет... Нет в помине тех четырех палаток. Лишь море осталось прежним. Море... Лучше все равно не скажешь — в море воды много. Я был — цвел миндаль. Одно дерево огромное. То, что в Кипарисном лагере, возле столовой. То, что, казалось, вот-вот зазвучит. Садовник, случившийся рядом, сам с удивлением сказал: «Черт те что... Каждый год семь мешков орехов», — и покачал головой.

Странное ощущение: как всегда в местах нетронутых, свежих кажется, что кто уж тут только не был, а все равно ты словно здесь первый. Вот и тут — даже Пушкин был, сидел, говорят, писал — действительно вездесущий, и беседка есть, а все равно не верится, что это не ты открыл это место, поразившись вечером его покоем и красотой. И все хочется что-то найти, и непонятно зачем. И так и ходишь, глядя под ноги, как в грибном лесу, стараясь отыскать что-то, подобрать.

Признаться, я немного нашел. Ластик... Теперь ведь и зимой лагерь. Учатся ребята, кто-то обронил. Кусок меди... Потускневший, черный почти. От гильзы. Кто-то распрямил, вырезал лист. Ведь здесь были немцы.

А последняя находка совсем уж была — без улыбки невозможно смотреть. Записка. Простая, как слова того мальчика о море. Листок, свернутый в восемь раз, истертый до дырки, носил в кармане и все не решался вручить, потерял. «Рита я тебя люблю Саша З.». Вот так, без точки, без запятой.

Показал записку одной вожатой — и у нее такая же улыбка. «В моем отряде, — говорит, — один уже четвертый раз влюбляется». И записку не выпускает, все улыбается. Будто знает что-то больше и не хочет, не может сказать.

...Первый врач прямо в день открытия лагеря, вечером 16 июня 1925 года, писал отчет в медицинский отдел Центрального Комитета Российского общества Красного Креста. Было четыре часа вечера, он поставил это в конце отчета. Писал подробно, ясно: сколько и каких приехало детей, чем больны, потом описал еду — точно, в золотниках: творог, фрукты, масло. Никакой поэзии в записке, он доктор, ему нельзя. А в конце не удержался. «В заключение укажу, — написал, — что дети в громадной массе были поражены красотой совершенно новой для них природы и продолжают ею восхищаться и интересоваться».

Так до сих пор. В море воды много.

---

[1] *Брайан немного неточен: Артек был открыт в 1925 году. (Примеч. составителя сборника «Артек глазами ребят».)*

[2] *Брайан оказался прав: 16 июня в этом году, в день 50-летия лагеря, 500 тысяч человек смогут вспомнить о том, как они были в Артеке, и среди них люди из 70 стран мира.*

для богатых), в государственные. Но, во-первых, так было всегда, так принято, а во-вторых, чего же вы хотите: если в этих районах живут только белые, так откуда же здесь в школах взяться черным детям? Где ребята живут, там они и учатся! И никто не помнит, чтобы когда-то было иначе.

В 1965 году Верховный суд США принял постановление о том, что в средних государственных школах с сегрегированным (то есть раздельным) обучением необходимо покончить, ибо это противоречит американскому государственному закону. Но проходили годы, и все оставалось на своих местах: белые школы — для белых, черные — для черных.

Конечно, легче принять закон, чем его осуществить. Всякий понимал, что до тех пор, пока черным американцам нельзя селиться там же, где живут белые, настоящей десегрегации в школах не будет. Некоторые пробовали бороться с дискриминацией в жилищном вопросе юридическим путем, обращаться в суды, ведь «в принципе» расизм «вне закона», нужно лишь доказать, что он есть. Но попробуй **доказать,** что тебе, черному, отказали сдать квартиру в «белом» районе намеренно, методом круговой поруки, из чисто расистских побуждений! Любой суд понимает, что это именно так, но... представьте доказательства!

Десять лет страна ждала, что же будет дальше, как власти станут практически решать вопрос о «перемешивании» школьников под одной крышей.

Лидеры страны сочли, что единственный реальный путь — это «басинг» (от «бас» — «автобус»). Каждое утро часть белых детей отвозят в черные школы, а часть черных в белые; черные дети «подтягиваются», занимаясь рядом с белыми, которые до школы получили уже какую-то подготовку и родители которых имеют более высокий уровень образования; в результате страна получает больше квалифицированных специалистов, это выгодно экономически, плюс зарубцовываются язвы, чреватые социальными конфликтами, успокаивается мировая общественность, что выгодно политически.

Но идеи такого рода хороши, пока они на бумаге. Избиратели не очень-то вникали в соображения высшей политики, им, белым и поэтому привилегированным, не очень-то хотелось делиться чем-то с черными. Политиков, выступавших за «басинг», стали потихоньку «прокатывать» на выборах. В выступлениях лидеров зазвучали примирительные нотки. «Осторожность» обрел и Верховный суд США. 3 июня 1969 года ко всему прибавилось совместное заявление министерства юстиции и министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения, в котором говорилось, что, во-первых, отменяются твердые сроки введения десегрегации в школах, во-вторых, те школьные округа, где задерживается десегрегация, все равно будут получать государственные дотации (ранее предусматривалось лишение их дотаций), причем они будут выделяться округам даже в том случае, если те вообще не возьмут на себя твердых обязательств о сроках десегрегации. Более того, теперь все эти вопросы будут решать суды на местах.

Можно, конечно, попытаться понять тех родителей белых школьников — сокрушались либеральные буржуазные газеты, — которые не захотели, чтобы их дети каждое утро ездили в черные гетто, где и школы хуже (а они не могут быть иными, если плохо финансируются), где и социальная среда менее благополучна (а какой ей еще быть, если бедность, безысходность положения постоянно порождают напряженность и тревогу на улицах)... Но если все будут рассуждать как бостонские обыватели («Пусть кто-то другой, но почему я, при чем тут я? Только не я!»), то что же тогда вообще останется от программы десегрегации?

Да, «басинг» — это не лучшее решение вопроса, причем и оно повсеместно задерживается, срывается.

Тогда-то бостонское отделение Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и обратилось с иском в окружной суд (коль только через суд можно добиться выполнения закона, принятого Верховным судом США): требуем ввести совместное обучение в нашем городе. Бостон стал испытательным полигоном.

Суд не нашел аргументов против. Иск был удовлетворен.

В своем постановлении федеральный окружной судья Артур Гэррити отметил, что расовая сегрегация в школах Бостона не просто неизбежный результат жилищной дискриминации черного населения и других «внешних» факторов, но что вместе с тем это результат планомерной политики городского школьного комитета, который сознательно углублял пропасть между учебными заведениями.

Судья, в частности, указал, что деятели школьного образования Бостона «сознательно проводят систематическую программу сегрегации, затрагивающую всех учащихся, учителей и школы города, они намеренно создали и поддерживают двойную систему школ», раздельных для черных и белых. Артур Гэррити предъявил городским чиновникам и конкретные обвинения: «В последнее десятилетие ответчики... строили новые школы таких размеров и в таких местах, чтобы продолжать и впредь сегрегацию, они сохраняли в школах скученность и способствовали созданию там таких условий, благодаря которым сегрегация продолжалась в 26 школах; они виноваты в том, что в 40 (черных. — *В. В.*) школах

Так выглядели улицы Бостона во время 1974/75 учебного года. Толпы разъяренных расистов пытались во что бы то ни стало помешать совместному обучению белых и негритянских детей. Не в меру воинственных сторонников сегрегации была вынуждена утихомиривать полиция. Зато когда рядом ее не оказывалось... На снимке в центре: расправа с отцом чернокожей школьницы, оказавшимся в «белом» квартале. Ж.-Л. Ивон был после побоев доставлен в больницу в тяжелом состоянии.

классы оказались переполненными сверх всякой нормы, хотя учащихся этих школ можно было перевести в другие школы и тем ослабить расовое неравновесие».

Между прочим, судья Гэррити, выступивший довольно-таки смело по иску против деятелей из школьного комитета Бостона, спасовал по другому важнейшему пункту: не стал ходатайствовать перед городскими властями и администрацией штата о вызове национальной гвардии для восстановления в городе порядка, для того, чтобы закон, на страже которого стоит судья Гэррити, мог восторжествовать, а белые и черные школьники могли учиться вместе.

Это произошло летом, а в сентябре прошлого года, с началом занятий, борьба должна была вступить во вторую, решающую фазу. Путь от формального решения до его реализации оказался долог. Городские власти подчинились решению суда. Но выделить ассигнования на автобусы проще, чем убедить ими воспользоваться. Решили проводить кампанию постепенно, сперва в некоторых школах выборочно. Этот выбор пал на южную часть Бостона, где живут обыкновенные («средние»!) американцы, люди как люди.

Из 92 тысяч бостонских школьников кампания затрагивала 45 тысяч детей. Переправке на автобусах подлежало 18 тысяч. Вокруг них-то и разгорелись события, которые привлекли к Бостону внимание всего мира.

Вот о чем сообщали ведущие американские газеты 16 сентября, когда начался учебный год.

Полицейские дубинки с трудом сдерживают натиск толпы. Тысячи белых горожан вышли на улицы, стремясь не допустить начала занятий. В первый же день нового учебного года белые дети не явились на занятия, уроки сорваны. Уже третий день город охвачен волнениями. Всюду видны демонстрации, марши, пикеты у школ. Присутствие конной и моторизованной полиции не спасает положение. Из тысячи школьников в одной школе посещают занятия только 32, черных детей пробилось сквозь кордоны только 25. В автобусы летят камни, разъяренная толпа избивает черных детей и взрослых. Много раненых, особенно черных, школьников. Имеются арестованные...

Шли дни. Неделя за неделей. В Бостоне продолжались волнения, многие школы продолжали пустовать. Хроника новостей фиксировала:

...В коридорах школ и на улицах — драки. В школе Гайд-парк-хайскул избиение черных детей началось с драки в столовой. В Джамайка-хайскул произошла перестрелка. Не хватает машин «Скорой помощи». Ежедневно побоища происходят также в школах Розиндейл и Чарльзтайн. Толпа взрослых избивает всех черных, кто только подвернется под руку, люди готовы линчевать случайных прохожих. Избит полицейский. Ярость толпы обрушилась на грузовик с тиражом местной газеты «Бостон глоб»: горожане недовольны тем, как она освещает события. Тысячи демонстрантов, десятки арестованных, раненые...

В город начали прибывать штурмовые отряды неонацистов и куклуксклановцев. Воронье слеталось на бесовский шабаш. «Мы поможем жителям Бостона поставить на место этих негров», — заявил «Великий дракон», главарь ку-клукс-клана Дэвид Дьюк.

Расисты устроили десятитысячный митинг. Газеты обошла фотография этого митинга под лозунгом: «Лучше без образования, чем без свободы».

О какой «свободе» пеклись эти люди? В сущности, о том, чтобы им не препятствовали остаться расистами. Куда делись их всегдашняя респектабельность, хваленая терпимость? (О, Бостон — особый город, здесь все не так, как на Юге или в других городах Севера, мы либералы, мы прогрессисты, мы даже на выборах голосовали за черного сенатора Эдварда Брукса, единственного черного в сенате США, «образцово-показательного негра»...) До тех пор пока борьба с расизмом не касалась их лично, белые бостонцы с неодобрением покачивали головой: надо же, как нехорошо, где-то оскорбили черного, избили, не взяли на работу... Взрыв ярости на улицах Бостона показал, что же в самом деле скрыто под черепными коробками благонамеренных, законопослушных, милых и симпатичных «средних» американцев.

Декабрь ознаменовался новыми вспышками расовой ненависти. 11 декабря толпа в полторы тысячи человек окружила Саут-Бостон-хайскул с намерением избить черных детей. Школьники (их было 132) в страхе заперлись, осада вот-вот должна была перерасти в штурм, минуты отчаяния и ужаса растянулись на целых два часа, и трудно сказать, что бы произошло, если бы готовящаяся расправа не была в последний момент приостановлена полицией. А между тем акция была тщательно спланирована: расисты из организации РОАР («Восстановим наши попранные права» — так расшифровывается это английское сокращение) создали семь информационных центров, посадили на телефоны людей, которые мгновенно оповестили по цепочке десятки и сотни горожан о том, что дан сигнал к провокации. Сообщила об этом местная газета «Бостон глоб».

Но собрались с силами и лучшие люди города, начались демонстрации против расизма, а на ту демонстрацию, что состоялась 16 декабря и в которой приняли участие 20 тысяч человек, приехали специально жители даже таких удаленных от Бостона штатов, как Калифорния. Из 50 американских штатов было представлено 36, среди выступавших на митинге был известный борец за гражданские права Ральф Абернети — ближайший сподвижник выдающегося американца Мартина Лютера Кинга, погибшего от руки наемного убийцы. Вот что сказал Ральф Абернети: «Я говорю: черные и белые борются за одно и то же». И черная и белая молодежь, пояснил он, нуждается в образовании, в улучшении жизни. На этом же митинге член законодательного собрания штата Джорджия Джулиан Бонд с чувством заявил: «В какой-то момент жизни приходится принимать решение, и я решил бороться против расизма, укоренившегося в наших институтах».

На следующий день 900 студентов Гарвардской школы бизнеса провели «тич-ин» — митинг-занятие, посвященный борьбе против расизма. Выступивший на нем священнослужитель Вернон Картер, который уже много лет принимает участие в демонстрациях против расизма в школах, четко выразил мысль многих участников: «Мы никогда не должны прекращать наш марш!»

Четкую оценку бостонским событиям дала газета американских коммунистов «Дейли уорлд», писавшая 20 декабря:

«Бедняки, белые рабочие, присоединившиеся к движению против автобусных перевозок школьников, — это люди, которых предали... Как подчеркнула приехавшая в Бостон Коретта Кинг (вдова М. Л. Кинга. — *В. В.*), это люди, которых лишили их прав: права на полную занятость, права на справедливые цены, прав на приличное жилье и, конечно же, на приличные школы для детей. С ними обращаются как с людьми низшей касты, и они разгневаны. И поскольку они разгневаны... Они готовы «умиротвориться», когда им бросают кость расизма, чтобы они позабыли обо всем том, чего им никогда не давали получить и чего они никогда не получат... Они действительно страдают. Они страдали всю жизнь. И возможно, их единственным утешением было всегда то, что есть люди, особенно черные, живущие в соседних районах, которые страдают еще больше, у которых еще хуже жилища, еще меньше денег на продукты питания (а цены постоянно растут), еще худшие школы, худшая санитария, еще более тяжелые условия жизни из-за того, что из них банки выжимают еще больше соков».

Да, расизм всегда был и остается орудием классового гнета, он ведь существует не в вакууме.

В январе и феврале 1975 года в Бостоне происходили те же расистские выходки, те же бесчинства теперь уже организованной и умело направляемой толпы. Временами казалось, что в нескольких школах вот-вот удастся ввести совместное обучение, но драки начинались и там. В этой обстановке сенат США был вынужден высказаться за приостановление дотаций частным школам, которые чинят препятствия совместному обучению детей белых и негров. Однако власти по-прежнему отказывались прибегнуть к помощи регулярных войск или национальных гвардейцев для наведения порядка.

Разве это не поощряет расистские элементы? Между тем молчаливое одобрение и даже подчас прямое поощрение привели к тому, что Бостон стал сегодня магнитом для всей расистской и фашистской нечисти в Америке, полигоном для испытания системы расизма в действии, той системы, которая готовится к решающим схваткам в других городах страны. Бостон, предсказывает американская печать, — это только начало, первая ласточка. Ведь в будущем предстоит борьба за десегрегацию школ в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Лос-Анджелесе... «Опыт» Бостона кое-кем уже берется на вооружение. Если это произошло в «либеральном» штате Массачусетс, в городе, который гордится своей «расовой терпимостью», то как сложится ситуация в иных местах, имеющих иную репутацию?

Бывает ли что-нибудь более отвратительное, чем расизм «обыкновенный», спрятанный за вежливыми улыбочками, тихий, неяркий. Который сразу и не различишь. О котором не принято говорить вслух. Расизм фарисейский особенно подл, он вползает в неопытную детскую душу незаметно, тихой сапой. В обществе, построенном на неравенстве, разделении людей по богатству и бедности, по цвету кожи, расизм превратился, по существу, в обязательный, хотя и негласный, предмет преподавания. Когда Джон, примерный семьянин и симпатичный добропорядочный американец, швыряет камень в автобус с «грязными ниггерами», Джон-младший скорее всего последует его примеру. Ибо с того дня, как он научился говорить, он слышит от папы, которым гордится, которому подражает, в лучшем случае только это слово, когда речь заходит о чернокожих, — «ниггеры». И когда Джон-младший подрастет, он передаст эту нехитрую подлую науку своему отпрыску. Расскажет ему, как проучили бостонских «цветных» в 1974/75 учебном году. Действительно, этот год долго будут помнить. И не только в Бостоне.

ДЕТИ НЕНАВИСТИ

Питер УИЛБИ, английский журналист

Тысячи ирландских детей учатся ходить под прикрытием баррикад и постигают науки в промежутках между пулеметными очередями. Жить для них — это прежде всего уберечься от пули. В Белфасте братья одной девочки, скошенной очередью из тяжелого пулемета, поют: «Сгорите, сгорите, все солдаты!», а дети квартала хором подхватывают эти слова. Получилась считалочка, от которой пробирает дрожь.

Моррис Фрейзер, психиатр из Белфаста, в своей книге «Дети конфликта» рассказывает о нарушениях в детской психике, вызванных кровавыми событиями в Ольстере.

Джон Д. после уроков проходил по двору католической средней школы в Белфасте, когда на него набросились двое в масках, прятавшиеся в тени деревьев. Началась безумная погоня по двору и коридорам школы. Оба нападавших превосходно знали все закоулки. Еще бы: они же учащиеся этой школы. Джон Д. сразу узнал своих учеников, несмотря на маски. Утром того же дня они, как и тридцать шесть их товарищей по классу, принимали участие в организованной Джоном Д. во время урока дискуссии. Джон Д. решительно выступил против насилия в решении нынешних проблем Северной Ирландии. И вот ответ вечером: двое школьников попытались убить своего учителя! Над ухом Джона Д. просвистели две пули. Ему все же удалось убежать.

Недавно в протестантскую школу Белфаста взяли преподавателем одну женщину. Ее ученики — мальчики — сразу же захотели узнать, где она работала раньше. Учительница отвечала довольно уклончиво, старательно обходя вопросы, налетавшие на нее как шквалистый ветер. Чем больше она хитрила, тем больше у ребят росло подозрение. Прижатая к стене вопросами, учительница в конце концов призналась, что никогда не преподавала мальчикам. Ученики сразу поняли, в чем дело: ведь в протестантских школах классы смешанные, не то что у католиков. Если эта женщина никогда не преподавала мальчикам, значит, она католичка, значит, работала только в католических школах! К «расследованию» подключились родители. И через четыре дня учительнице пришлось уволиться.

В августе 1972 года солдаты английского экспедиционного корпуса расстреляли в упор резиновыми пулями толпу детей и родителей, протестовавших против захвата армией футбольной площадки. Многие матери, изувеченные этими пулями, ослепли, под арест угодили совсем еще малыши — самому молодому заключенному едва исполнилось шесть лет!

Несколькими неделями раньше, после кровавого столкновения в Дерри, под стражу были взяты пятеро детей в возрасте менее 12 лет. У одного 14-летнего мальчика взрывом гранаты, которую он собирался кинуть в солдат, оторвало руку. Участие детей в конфликте достигло такого размаха, что власти Северной Ирландии пригрозили привлекать к ответственности родителей маленьких бунтовщиков за причиненные разрушения, лишать их родительских прав и направлять детей в исправительные дома, воспитательная эффективность которых так хорошо известна — ведь это наилучшие центры по формированию... преступников.

Перед этим разгулом насилия все взрослые теряют голову. Но некоторые пытаются все же что-нибудь делать. Моррис Фрейзер цитирует слова одного директора средней школы:

«Мы запретили всякое упоминание о событиях, происходящих за стенами школы, создали no-go-land, заповедную страну, или что-то вроде тихой гавани, где наши ученики читают волшебные сказки, мечтают, листая «Алису в стране чудес», «Золушку» или истории, которые хорошо кончаются, а не прорабатывают устав маленького уличного бойца. Мы рассказываем о доброй фее, а не о бутылках с зажигательной смесью. Вы можете подумать, что это означает побег от действительности, но я уверяю, что наша школа полна счастливых детей. Они не страдают неврозами, у них нет каких-либо особых проблем, посещаемость превышает 90 процентов. У нас скорее родители и учителя имеют проблемы. Но не дети».

Но в большинстве школ Белфаста все поиному. Школьные тетради превратились прямо-таки в каталоги оружия. Дети рисуют танки, вертолеты, лагеря для арестованных и сцены уличных боев между гражданскими и военными. Война стала навязчивой идеей. Добрые феи давным-давно забыты. Моррис Фрейзер рассказывает об ученике, который устные ответы на уроках заканчивает возгласом: «А потом — всех из автоматов!» Даже в сочинениях на тему о футболе подсчитывают уже не голы, а убитых в стычках после матча. В письменной работе одного ученика матч-бой заканчивается пулеметным расстрелом «силами порядка» одной команды, в то время как вторую пожирают крысы!

В одной протестантской школе дискуссия на тему «Насилие будет побеждено насилием» очень быстро вылилась в массовую истерику. Когда провели голосование по вопросу о том, какие средства можно использовать против насилия, 99 процентов голосов было подано за «силу». «Стало совершенно ясно, — сказал один преподаватель, — что для наших учеников, а все они протестанты, хороший католик — это мертвый католик». Разгоряченные ораторы выступали, будто на предвыборном митинге. Все они рассуждали в стиле откровенно демагогического лидера протестантских экстремистов пастора Пэйсли. Каждый призыв к убийству, как в древнеримском цирке, встречался восторженными криками.

Все учителя, с которыми я встречался в Белфасте, единодушны: понимание, терпимость еще долго будут оставаться здесь только словами, пустым звуком. Сама школьная система способствует закреплению разных мировоззрений. Программы католических школ включают изучение языка, танцев, игр и музыки ирландцев, в учебниках по истории рассказывается о том, как «угнетенный народ борется против английского колониального владычества». История, как ее понимают протестантские учебники, представляет Ольстер неотъемлемой частью Соединенного Королевства, полностью английским — от Дерри до Дувра. В этих учебниках говорится лишь об основных направлениях британской политики и предается забвению все, что является ирландским.

В последние годы, впрочем, предпринимаются попытки ввести в обоих типах школ менее радикальные учебники. Так, в «Паркпэрейд», протестантской школе в Белфасте, начали использоваться учебники истории, изданные в столице Ирландской Республики Дублине, в которых сделана попытка объективно рассказать об истории Ирландии. Но одних только учебников недостаточно, чтобы изменить образ мышления, приобретенный детьми в результате нынешней политики в Ольстере. Они понимают только два языка. Одни говорят «по-католически», другие «по-протестантски». Вот и весь выбор. Уровней мышления тоже два: один — для школы, другой — для боевой жизни вне ее стен.

Один преподаватель естественных наук католической школы св. Августина признает: «Наши усилия снять накал страстей с существующих проблем оказались тщетными. Учащиеся ненавидят протестантов за то, что те протестанты. Они бросают в них камнями, потому что протестанты кидают камнями в них, как они говорят. Трагическая нелепость положения в том, что наши дети в принципе согласны, что никакой разницы между обеими группами — католиками и протестантами — не существует. Меня больше всего волнует, что эти 10-летние фанатики, когда вырастут, станут еще более нетерпимыми, чем их родители».

Постоянная агрессивность школьников заставила директора католической школы св. Августина и директора протестантской школы «Парк-пэрейд» установить между собой «красный телефон», чтобы координировать время выхода из школ своих учащихся, которые устраивают побоища всякий раз, когда встречаются друг с другом. На занятия учащиеся приезжают на автобусах. Если автобус школы св. Августина проезжает через «епархию» школы «Парк-пэрейд», в него немедленно летят камни, католические пассажиры тут же вывинчивают в автобусе лампочки и, обороняясь, пускают их в ход. Чтобы избежать столкновений, директора согласовали новые маршруты. И все же стычки происходят каждый день. Поэтому ученика нельзя упрекнуть в отсутствии сообразительности и воображения, когда он объясняет причину своего опоздания на урок словами: «Господин учитель, на меня напали!» В половине случаев это правда, признает Роберт Нэйли, директор «Паркпэрейд»; впрочем, проверить нет никакой возможности.

Нападения на общественный транспорт в Белфасте — довольно частое явление, которое тоже не способствует посещаемости школы. Когда школьный автобус надолго застревает в пробке у полицейского кордона, десятки детей не попадают в этот день в школу. В классах редко присутствуют больше 70 процентов учащихся. Но рекорды непосещаемости были побиты во время забастовки, организованной протестантским Советом рабочих Ольстера. В результате угроз несколько школ были даже совсем закрыты.

Статью Питера Уилби «Дети ненависти» невозможно читать без чувства горечи. В ней речь об ольстерских детях. Точнее, о том, как отражаются на их психике трагические события, продолжающиеся уже почти шесть лет, о том, как растравляет ребячьи души атмосфера постоянной угрозы смерти, о трудной обстановке, сложившейся в школах. Автор ничего не преувеличивает, описывая будни североирландских школьников и дошкольников. Я видел то же самое, когда в качестве корреспондента ТАСС в Ирландии бывал в Ольстере.

В городе Белфасте улицы обычно пустынны, будто вымерли, редкие прохожие перебегают от подъезда к магазину и спешат обратно. Со временем привыкаешь к виду обгоревших скелетов домов и выбитых взрывами оконных стекол, к английским солдатам в пятнистых костюмах с автоматами наготове, стоящим в проемах дверей магазинов. Таков сегодня этот город, с августа 1969 года он живет практически на осадном положении.

Помню, как однажды, в первое мое посещение Белфаста, я увидел среди этой безрадостной картины группу чумазых ребятишек, которые самозабвенно гоняли мяч. Улица католического гетто Фоллз-роуд была усыпана осколками камней и стекла. Ребята играли шумно, азартно, как и подобает играть в футбол мальчишкам всего мира. Окружающее для них перестало существовать. От сильного удара мяч перелетел на другую сторону улицы. И вдруг ребята притихли и начали расходиться. Казалось бы, какой пустяк — ну подумаешь, укатился мяч. Но мяч лежал по другую сторону мотка колючей проволоки, перегораживающего переулок. И хотя достать его не составляло большого труда, делать это, оказывается, было нельзя. Когда я решил помочь ребятам, меня остановил крик: «Мистер, вы куда?» — «Хочу вам мяч достать», — отвечаю. Мальчишка присмотрелся ко мне и неожиданно широко улыбнулся: «Вы, сразу видно, нездешний. Так решите для себя, что вам дороже — жизнь или чужой мяч? Если вы такой добрый, лучше купите нам новый». На том и поладили.

Моему новому знакомому не было скорее всего и восьми лет, но он твердо знал правила, нарушение которых влекло за собой неприятные последствия. Пока ты на своей территории, ты в относительной безопасности, но там, по другую сторону, грозит смерть. Потому что там кварталы протестантского района...

Буржуазная печать объясняет происходящее в Ольстере «традиционной враждой между двумя религиозными общинами — католиками и протестантами». Действительно, две общины Северной Ирландии разделены. У каждой свои политические партии, школы и преподаватели, прачечные и магазины, врачи и адвокаты. Общие — заграждения из колючей проволоки, протянутые между католическими и протестантскими кварталами солдатами английской армии.

Междоусобица в Ольстере как нельзя лучше устраивает монополистические круги в Лондоне и Белфасте. Пока удается натравливать рабочих друг на друга, пока они остаются «католиками» и «протестантами», можно сохранять зарплату на низком уровне, разгонять демонстрации, запрещать неугодные политические партии, практиковать открытую дискриминацию, бросать противников существующих порядков без суда и следствия в бессрочное заключение в концлагерь Лонг Кеш.

Жертвы нынешних событий — не только те, кто погиб от пули или бомбы. Жертвы нынеш-

Во время забастовки одна пожилая учительница ежедневно проходила пешком по пятнадцать километров, и все попусту. В «Парк-пэрейд» был день, когда пришло больше учителей, чем учеников. Многолетний конфликт узаконил армию прогульщиков. Ночь, во время которой идут боевые действия, — это бессонная ночь, а значит, вполне уважительная причина для неявки в школу. Обыски, проведенные армией в твоем квартале, — тоже. Проконтролировать тут невозможно. Многие отцы семейств убиты, ранены или находятся в тюрьмах, а матери, занятые по горло работой и хозяйственными делами, не в состоянии проследить, чтобы их дети не прогуливали уроки. Кроме того, работники школьной администрации не осмеливаются посещать некоторые католические кварталы Белфаста, чтобы узнать, почему не явился в школу тот или иной ученик. Однако относительная пустота в школах, как ни парадоксально, дала возможность избежать немедленного крушения дисциплины. Присутствие в классе одновременно не более пятнадцати человек, по мнению педагогов, помогает установить х рошие отношения между учителями и учащимися и эффективной работе. В первые годы конфликта преподаватели даже удивлялись противоречию между порядком в классах и беспорядками на улицах. «Я думаю, что наши ученики с радостью приемлют школьный порядок и занятия, — объяснял один из директоров школ. — Их травмируют внешняя нестабильность и постоянная опасность. Таким образом, класс превращается в желанную гавань. Некоторые вчера легли спать в девять часов вечера, другие — в полночь или в три утра. Дети никогда не обедают в одно и то же время. В любую минуту небо может свалиться на голову, а тут школа — здоровый, логический, рациональный мир, где все работают для достижения ясно видимой цели и где наказания, если они случаются, раздают по справедливости и по вполне понятным причинам». Но мало-помалу эта обнадеживающая ситуация деградирует, само понятие дисциплины все больше ставится под вопрос. Молодые ирландцы приучились жить в обстановке постоянного возбуждения, и, поскольку частота уличных боев все же уменьшилась, воинственность и агрессивность детей направляются теперь на самые близкие и осязаемые ежедневно объекты — преподавателей и родителей. Дерзкий ответ учителю расценивается учениками не только как их право, но и чуть ли не как обязанность. В жертву скверному настроению приносится школьное оборудование: выбиты стекла, испорчены или разобраны умывальники, изрезаны столы — ничто не избежало руки Атиллы протеста.

Рушится и сама учебная работа. Уроки на дом задают, но сорок процентов учеников никогда их не делают, остальные или делают не до конца, или кое-как. Единственная отрада для измученных учителей в том, что наиболее драчливые и неудобные для школы дети на занятия вообще не приходят; иначе драк было бы еще больше...

Подвержена этим недугам вся школа, включая начальную. Дети в возрасте до десяти лет надменны и агрессивны, то есть уже приобрели черты характера, с которыми преподаватели обычно сталкиваются у подростков тринадцати-четырнадцати лет. Для них дело номер один — драка. Едва объявляется о какой-либо манифестации, они без колебаний убегают из дому и на ночь, и на субботу, и воскресенье. Забросать камнями солдата, получить «шрам славы» — след от попадания резиновой пули, которой стреляют по ногам, — это для мальчишки ценный подвиг, которым можно будет завтра похвастать в школе.

Участие в манифестации для ребенка — то же, что приобщение к курению, что хоть раз в своей жизни испробовал каждый школьник, иначе говоря, приобщение к миру взрослых. Ольстерские дети — это дети, лишенные даже самого раннего детства. «Когда вы просите их ответить урок по истории, — рассказывает один из учителей школы св. Августина, — то сразу замечаете, что у них нет никаких собственных впечатлений, на которые они могли бы опереться. Они не ездят на море, в деревню, не ходят в кино». Прогулки вне стен школы организовать почти невозможно. Задания, требующие длительных поисков в библиотеках, сокращены до минимума, поскольку по городу ходить опасно. Большинство учеников не может заниматься и плаванием: бассейны находятся во «вражеских», протестантских районах.

Школа св. Августина расположена на передовой — на стыке католических кварталов и укрепленного района английской армии. Школьники бросают в солдат камни, а солдаты бьют по ним резиновыми пулями. Однажды случилась катастрофа — солдату послышался за спиной взрыв, и он резко обернулся, а палец был на спусковом крючке... Оказалось, что один ученик наступил на пустой картонный ящик.

Непосещаемость, акты вандализма, невозможность сосредоточиться на занятиях, измотанность учителей — все эти пороки характерны не только для школ Северной Ирландии. Они имеют место и в большинстве крупных городов Великобритании. Однако в Ольстере ситуация деградировала до абсурда. Кажется, будто школьники только машинально играют роль в какой-то пьесе, смысл которой давно утерян. «Школьная жизнь для большинства наших учеников — это абсурд, — сказал Джон Хамильтон, директор лицея св. Терезии. — Их настоящая жизнь на улице — в грохоте и ужасе баррикад и дымящихся развалин».

Даже в самой плохой английской школе еще можно найти учителя, энтузиаста и оптимиста, одержимого идеей, проектом, который, может быть, вызволит его учеников из серой рутины. Всегда найдется преподаватель, верящий в лучшее будущее. В Белфасте же никто больше ни во что не верит.

Особенно десятилетний малыш, который уже несколько месяцев не ходит в школу: «Школа? Она ничего не дает. Я знаю, что никогда не получу работы. Я же католик...»

Перевел А. КЛИМОВ

них событий — это все население Северной Ирландии, взрослые и дети. И прежде всего дети.

Всей душой переживая за подрастающее поколение, растерянные перед его ожесточенностью, многие педагоги в Ольстере мучительно ищут способов, которые помогли бы «размягчить» души подростков, защитить их от воздействия окружающей обстановки, пропитанной насилием и страхом. На помощь призвана сказка, добрая, очищающая душу, всегда любимая детьми сказка. Это так понятно! Но и так похоже на веру тонущего в соломинку. С одной стороны, Алиса со всеми ее добрыми друзьями из Страны чудес, с другой — мир, в который мальчик или девочка попадают, выйдя из школы, — враждебная улица, броневики, гранаты, патрули...

Большинство школьников Белфаста и Дерри, Ньюри и Антрима, городов и деревень Ольстера не знают иной реальности, кроме взрывов и стрельбы, насилия, разрушений и смерти. Настоящее для них — ночной обыск или облава, разгон демонстрации, сосед, открывший дверь на звонок и убитый выстрелами в упор. Настоящее — это резиновые пули и стреляные гильзы, которыми играют мальчишки на улице, это камни, летящие в ненавистных солдат, и бронированные машины английской армии.

Автор статьи П. Уилби свидетельствует, что, по наблюдениям психологов, агрессивность, вкус к драке становятся все более распространенными чертами в характере ольстерских детей, причем настолько, что понятия «протестант» и «католик» утрачивают для них значение. Даже в тех случаях, когда дети соглашаются с учителем, что принадлежность к противоположному религиозному лагерю — вовсе не повод для взаимной ненависти, они продолжают враждовать. Вот тут-то, видимо, и следует попытаться поискать настоящие причины проблемы; автор же статьи, как и цитируемый им психолог, дальше констатации фактов не идет.

Пройдет не так много лет, и нынешние школьники расстанутся с классами и учебниками. Что сулит им будущее? Кому-то удастся поступить в университет, кто-то пойдет на работу. Но многие, очень многие станут безработными второго и третьего поколения, каких сотни и тысячи в католических гетто городов Северной Ирландии, где число безработных в несколько раз превышает уровень безработицы в протестантских кварталах. Сегодняшний школьник Белфаста наверняка не до конца может осмыслить происходящее, понять коренные причины нынешних кровавых событий, но вопросов у него накопилось масса. Почему католиков считают «гражданами второго сорта»? Почему протестантам оказывают предпочтение при распределении жилья, при найме на работу? Почему католикам предоставляется почти исключительно низкоквалифицированная и низкооплачиваемая работа? Почему в Северной Ирландии полностью отсутствуют элементарные гражданские права и свободы? Почему в тюрьмах и концлагере Лонг Кеш сотни политических заключенных содержатся в бессрочном заключении без суда и следствия?

И можно понять растерянность и даже отчаяние педагогов и психологов: им нечего предложить, пока в Ольстере не будут проведены коренные реформы, гарантирующие политическую, экономическую и социальную справедливость в отношении всех граждан и, следовательно, нормальную мирную жизнь, которой сегодня лишены североирландские дети.

Юрий УСТИМЕНКО

С того времени, когда Португалия объявила Мозамбик своей колонией, минуло 366 лет. И на протяжении всех этих веков мозамбикский народ не прекращал сопротивления заморским угнетателям. В 1964 году национально-освободительную борьбу в этой африканской стране возглавил Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО). Крах каэтановского режима в Лиссабоне 25 апреля прошлого года ускорил и конец колониальной системы в Мозамбике — конец, так или иначе неизбежный ввиду успехов армии ФРЕЛИМО. Подписанное в прошлом году представителями Португалии и ФРЕЛИМО соглашение определило дату официального провозглашения независимости Мозамбика — 25 июня 1975 года. О том, какие задачи ставит перед собой главная политическая сила нового Мозамбика — ФРЕЛИМО, о том, кто и как пытался остановить процесс деколонизации в этой стране, вы прочтете в публикуемых здесь материалах.

„ВОДРУЗИТЕ ЭТО ЗНАМЯ В СТОЛИЦЕ!“

Мы не скрываем наши трудности и не закрываем на них глаза. Однако ничто не может разуверить нас в том, что сегодня мы вступаем в новую, возвышенную фазу нашей истории: впервые во главе народа Мозамбика стоит правительство, которое является частью народа, правительство, в составе которого его представители, правительство, призванное служить ему... Сегодня впервые в истории Мозамбика товарищи назначаются на посты в правительстве. Говоря «товарищи», мы произносим слово, щедро политое кровью, слово, во имя которого принесено столько жертв. Товарищи — это те, кто боролся в подполье, кто терпел пытки и умирал в тюрьмах, кто не щадил себя на полях сражений; это люди, которые завоевали свободу и построили наше общество, посвятили свою жизнь служению народу, воплощают в действительность его чаяния, защищают и проводят в жизнь революционную политическую линию...

Прежде всего мы поставим просвещение, воспитание, культуру на службу широких масс населения, угнетаемого и задавленного капиталистической и колониальной эксплуатацией. Кровь народа пролита не только ради того, чтобы освободить нашу землю от иностранных хозяев, но также и ради того, чтобы отвоевать гордое звание граждан Мозамбика, возродить нашу культуру, привить народу новый образ мышления, создать новое общество... Мы совершаем революцию, развитие которой зависит от создания нового человека с новым образом мышления. Мы совершаем революцию, цель которой — установление народно-демократической власти...

Мы хотим подтвердить чувства дружбы, которые мы питаем к португальскому народу и в особенности к португальским демократическим силам, чувства дружбы, выкованной в общей борьбе против колониально-фашистского режима. Эта общая борьба продолжается... Мы бросили беспрецедентный гигантский вызов истории — одновременно освободить оба народа в ходе общей борьбы, в результате победы над фашизмом и колониализмом. Никто из нас не принес освобождения другому: мы взаимно освобождали друг друга в параллельно ведущейся борьбе, размах которой нужно поддерживать и в будущем. Даже сейчас сотрудничеством между нашими вооруженными силами в борьбе с последними выступлениями колониально-фашистской реакции мы доказываем миру, что единые интересы народов в борьбе против общего врага не пустой звук, что это честное и действенное сотрудничество, несмотря на то, что оно развивается между народом вчерашней колонии и теми, кто был вынужден служить орудием колонизации...

Если жертвы и героизм народа Мозамбика были основной силой, уничтожившей оковы португальского колониализма в Мозамбике, необходимо подчеркнуть большой вклад, внесенный единой Африкой в дело нашей победы, которая является общей победой освободительных движений португальских колоний и всего африканского национально-освободительного движения.

Мы приветствуем ценный и решающий вклад в нашу победу, который составила щедрая политическая, моральная и материальная помощь социалистических стран, оказанная нам в лучших традициях пролетарского интернационализма... Мы особо приветствуем поддержку, оказанную нам демократическими силами всего мира, международными прогрессивными организациями, революционными и антиколониальными силами западных стран. В заключение приветствуем народ Португалии и его демократические силы, узы братства с которыми мы выковывали в трудные годы совместной борьбы, узы, которые являются гарантом нашей дружбы и сотрудничества в будущем.

Начав этот новый бой, мы обращаемся ко всему нашему народу с призывом хранить единство, твердость и бдительность под знаменем ФРЕЛИМО, соблюдать дисциплину и своим трудом способствовать строительству свободного, развитого и демократического Мозамбика под лозунгом «Единство, Труд, Бдительность».

(Из программной речи председателя ФРЕЛИМО Саморы МАШЕЛА 20 сентября 1974 года)

«Вручаю вам знамя независимого Мозамбика. Водрузите это знамя в столице нашей родины Лоренсу-Маркише», — сказал председатель ФРЕЛИМО Самора Машел бойцам, направлявшимся на подавление реакционного путча. И это знамя стало символом свободы и надежды мозамбикцев на лучшую жизнь. На нижнем снимке: Самора Машел среди военнопленных португальских солдат: «Через несколько минут вы будете отпущены на свободу».

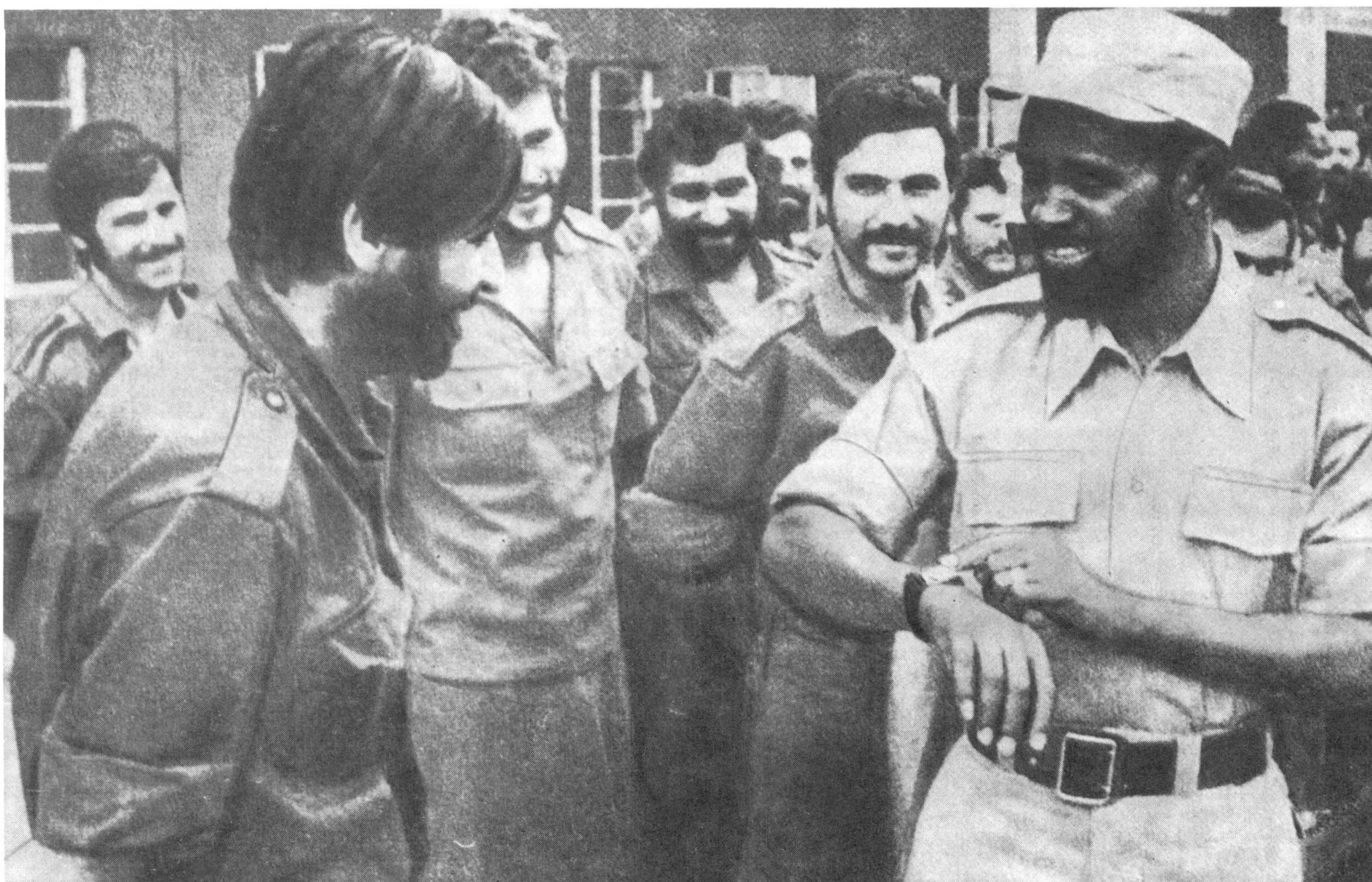

Лето 1974 года. Военные подразделения ФРЕЛИМО вели операции в центре страны. В округе Тете партизаны окружили плотину строящейся гидроэлектростанции Кабора Басса. Летели под откос поезда в округе Маника и Софала. Бои шли уже на подступах к портовому городу Бейра. Один за другим капитулировали опорные пункты колониальной армии. Стремительно продвигаясь, партизаны, чтобы не терять темпа наступления, обходили некоторые укрепленные пункты португальской армии, оставляя их до поры в покое.

Одним из таких островков была военная крепость Наматил в округе Кабу-Дельгадо. На картах колониальной армии она была помечена кодовым названием «Омар». В ней размещался первый взвод артиллерийского полка 8421. В саванну, окружающую крепость, вперились жерла тяжелых артиллерийских орудий. Возле них аккуратными штабелями лежали снаряды. С виду все было готово к бою... Но настроение у 147 солдат крепости и их командира, старшего лейтенанта Хосе Карлоса Монтейро, было отнюдь не воинственное. Стволы орудий оставались зачехленными. Командир распорядился об этом сразу же после известия о крахе каэтановского режима в Португалии 25 апреля.

Непосредственно участвовать в Движении вооруженных сил старшему лейтенанту Монтейро не довелось. Но бурные события в политической жизни метрополии глубоко взволновали молодого офицера. Его не надо было убеждать в бесперспективности и глубочайшей несправедливости колониальной войны. Того же мнения держались и его подчиненные. Ежедневно слушали они сообщения из Лиссабона — ждали с нетерпением приказа об окончании военных действий против ФРЕЛИМО. Солдаты знали твердо: ФРЕЛИМО не сложит оружия до тех пор, пока за ним не будет признано право единственного и законного представителя народа Мозамбика. И в этом они не ошиблись. Армия освобождения ФРЕЛИМО продолжала концентрировать свои силы на стратегических позициях в центральной части Мозамбика. Несколько отрядов ФРЕЛИМО были подтянуты к границам Родезии — на случай вторжения наемников расистского режима. Пора было обезопасить и тылы — ликвидировать оставшиеся на освобожденной территории гарнизоны португальских войск. Командование армии ФРЕЛИМО отдало приказ овладеть этими укрепленными пунктами, в их числе и крепостью Наматил.

Штурм крепости был назначен на 1 августа. Ночью в густой траве саванны залегли цепи партизан. Незаметно подтянули артиллерию. На этот раз внезапной атаки не было. «Солдаты! Мы не хотим воевать против вас! — зазвучал усиленный мегафоном голос командующего операцией. — У нас общий враг — фашизм и колониализм!» Разбуженные по тревоге солдаты бро-

сились к своим расчетам. Голос из саванны в это время призывал избежать бессмысленного кровопролития. В ультиматуме партизан содержалось требование сложить оружие и сдаться, на размышление отводилось пять минут.

Солдаты смотрели на командира. Каким будет его решение?

К этому дню уже многие из португальских солдат в Мозамбике порвали с колониальной войной, отказались воевать против ФРЕЛИМО две тысячи солдат в Боанэ. Так же поступили моряки военной базы Чайри на реке Замбези. Поддержку патриотам Мозамбика выразили инженерные войска в Лоренсу-Маркише. С осуждением проводившейся генералом Спинолой тактики проволочек в колониальном вопросе выступила группа офицеров генштаба военного командования в Мозамбике. Во всех воинских подразделениях обсуждалось опубликованное в Лиссабоне письмо за подписью «солдаты в Гвинее-Бисау». В нем содержался призыв к друзьям и семьям «потребовать немедленного прекращения войны и неоправданных жертв». Несколько португальских гарнизонов по своей инициативе обратились к отрядам ФРЕЛИМО с предложением о прекращении огня. Предложение было принято, и началось братание.

Эти факты были известны старшему лейтенанту Хосе Карлосу Монтейро. Он без колебаний отдал приказ сложить оружие и сдать крепость «Омар». «Наши жизни нужны для строительства новой, свободной и демократической Португалии, — сказал позднее старший лейтенант Монтейро представителям печати. — Мы не будем воевать против ФРЕЛИМО».

...7 сентября 1974 года в Лусаке было подписано соглашение о том, что 25 июня 1975 года Мозамбику должна быть предоставлена полная независимость. До этой даты соглашение между Движением вооруженных сил и ФРЕЛИМО предусматривало передачу фактической власти переходному правительству с преобладающим участием в нем представителей ФРЕЛИМО.

На многострадальной земле Мозамбика наступил мир.

В ночь с 7 на 8 сентября прошлого года военные действия на всей территории Мозамбика были прекращены. Представители ФРЕЛИМО и португальской армии наметили совместные меры по обеспечению безопасности населения. Такая предосторожность была необходима, так как консервативная часть белых поселенцев не скрывала своих стремлений провозгласить «независимость» Мозамбика в одностороннем порядке — «по родезийскому образцу». Положение в стране было неспокойным. Не исключалось вторжение из ЮАР. В Претории сделали свои выводы из португальских событий: если не помешать приходу к власти ФРЕЛИМО, то волны африканского национально-освободительного движения вскоре могут накатиться и на цитадель апартеида.

Было установлено, что расистский режим Форстера начал тайно перебрасывать в Мозамбик большие партии оружия. В Лоренсу-Маркише появились подозрительные личности, в их числе наемники, уже зарекомендовавшие себя в Катанге и Биафре, фашистские головорезы из ОАС. Угроза вторжения из ЮАР заставила Движение вооруженных сил перебросить к южным границам Мозамбика около четырех тысяч солдат из отборных воинских частей. Одновременно руководство ФРЕЛИМО и ДВС делали все, чтобы не допустить столкновений между белым и черным населением страны, пресечь провокации расистов.

Демократически настроенная часть португальских поселенцев выступала за сотрудничество с ФРЕЛИМО, требовала разоружения отрядов «самообороны», сформированных белыми ультра. Возникшие после португальских событий 25 апреля демократические объединения поселенцев в Мозамбике провели большую работу по разоблачению палачей и карателей, с жестокостью расправлявшихся с патриотами. Было опрошено более четырех тысяч бывших политических заключенных для составления обвинительного досье на агентов охранки ПИДЕ, особо «отличившихся» в массовых казнях и пытках. Этот документ свидетельствовал о желании прогрессивно настроенной части белых поселенцев помочь ФРЕЛИМО добиться полной независимости страны и создать правительство, которое пользовалось бы поддержкой абсолютного большинства населения Мозамбика.

Однако многолетняя пропагандистская обработка не могла пройти бесследно. Многие поселенцы уверовали, что «террористы» и «бандиты» из ФРЕЛИМО несут с собой «коммунистическую угрозу». Журналисты, посещавшие Мозамбик в мае — сентябре 1974 года, рассказывали, что в Лоренсу-Маркише и других городах среди белых поселенцев царила паника, вызванная приближением отрядов ФРЕЛИМО к экономически наиболее развитым районам страны. Одни закупали оружие, другие спешно уезжали за границу. Бегство, собственно, началось еще при каэтановском режиме, только в 1973 году из Мозамбика бежало 22 тысячи человек.

Те же, кто надеялся удержать в Мозамбике власть белого меньшинства, объединились в ассоциацию под претенциозным названием ФИКО, что в переводе означает «Я остаюсь!». 5 мая 1974 года ассоциация собрала около пяти тысяч поселенцев на центральной площади Лоренсу-Маркиша, с тем чтобы обвинить Движение вооруженных сил в «предательстве» и заявить о своих амбициях «защищать Мозамбик до последнего поселенца». Но желаемое только выдавалось за действительное — на очередное сборище мозамбикских белых ультра явилось менее тысячи человек. Значительная часть поселенцев отмежевалась от ФИКО, другие, открыто угрожая «еще вернуться», эмигрировали в ЮАР и Родезию.

Задолго вперед были распроданы билеты на самолеты, вылетавшие в Западную Европу. Банки отказывались предоставлять кредиты предпринимателям. Приостановилось строительство самой мощной в Африке электростанции Кабора Басса. Повсюду мелькали объявления о продаже фешенебельных вилл и домов. В Лоренсу-Маркише распространялись истерические, провокационные листовки: «Продаются 200 тысяч белых, португальцев по происхождению, — мужчины, .женщины, дети. Цель: немедленное уничтожение или использование в качестве жертв для ритуальных праздников каннибалов. Лучшие части тела предназначаются партизанам и вождям племен». Похоже, бывшие колонизаторы запугивали... самих себя.

Ультра пытались натравить белых поселенцев на коренных жителей Мозамбика, спровоцировать вооруженные столкновения между ними. Кое-где им удалось достичь своей цели.

Особенно были обеспокоены белые поселенцы на юге страны. Здесь, в районах сосредоточения основных природных богатств страны, проживало около 95 процентов белого населения. Наиболее влиятельные из них пробовали найти политический выход из складывавшейся ситуации. Мозамбикский промышленник Жорж Жардин вполне серьезно выдвинул идею создания «черного буферного государства» на севере Мозамбика под контролем ФРЕЛИМО. А южные, наиболее развитые, районы по этому плану должны были отойти во владение к белым поселенцам. План этот был не нов, и в нем были заинтересованы также расисты ЮАР и Родезии. Именно от сотрудничества с ними, а не с Португалией получала свои основные доходы буржуазия Мозамбика. ЮАР и Родезия, в свою очередь, имели в южной части Мозамбика важные экономические интересы. Обсуждалась даже идея объединения этой части страны с ЮАР и Родезией в рамках федерации «белых» государств Южной Африки.

Но подобные расчеты были столь несбыточны, что сам Жорж Жардин вскоре отказался от них и предложил Спиноле новый вариант — сформировать в независимом Мозамбике «умеренное правительство черных» во главе с предавшим в свое время ФРЕЛИМО Мигелем Марупа. В состав правительства предполагалось ввести представителей африканской буржуазии. Известно, что последние пять лет колониальные круги активно содействовали экономическому обогащению африканской элиты. Бывший министр промышленности Португалии Рогерио Мартис в июне 1970 года открыто заявил, что может настать период, когда жизнеспособность колониальной системы будет зависеть от «представителей африканского населения, имеющих состояния». Должно быть, с тоской вспоминали авторы этих планов времена, когда создание марионеточного неоколониалистского режима было еще возможно. Теперь же в Мозамбике все переменилось. Армия освобождения ФРЕЛИМО установила контроль не только над освобожденными ею в боях северными районами страны; в соответствии с подписанным в Лусаке соглашением отряды ФРЕЛИМО совместно с португальской армией начали подготавливать страну к официальному провозглашению независимости. Премьер-министром переходного правительства был назначен секретарь ЦК ФРЕЛИМО по вопросам безопасности Жоаким Чиссано.

Экстремистские элементы из числа белых поселенцев заявили, однако, что они не признают правительства ФРЕЛИМО и будут бороться против него всеми «возможными средствами».

7 сентября, сразу же после подписания в Лусаке соглашения о независимости, группа, именовавшая себя «драконами смерти», попыталась организовать мятеж с целью добиться «родезийского» решения колониального вопроса. Мятежники напали на редакции газет, взорвали бомбы на территории университета, захватили радиостанцию. Для того чтобы спровоцировать кровавые столкновения, «драконы» выстроили на территории радиостанции живой заслон из детей и женщин. К мятежникам присоединились другие правые организации Мозамбика, выступавшие за «белую» независимость.

На подавление путча были срочно брошены отряды ФРЕЛИМО. Перед их отправкой в Лоренсу-Маркиш к бойцам обратился председатель ФРЕЛИМО Самора Машел: «Мы сражались в течение долгих десяти лет и не хотим начинать новую войну. Однако мы не пожалеем жизни для защиты добытой в боях свободы... Вручаю вам знамя независимого Мозамбика. Водрузите это знамя в столице нашей родины Лоренсу-Маркише».

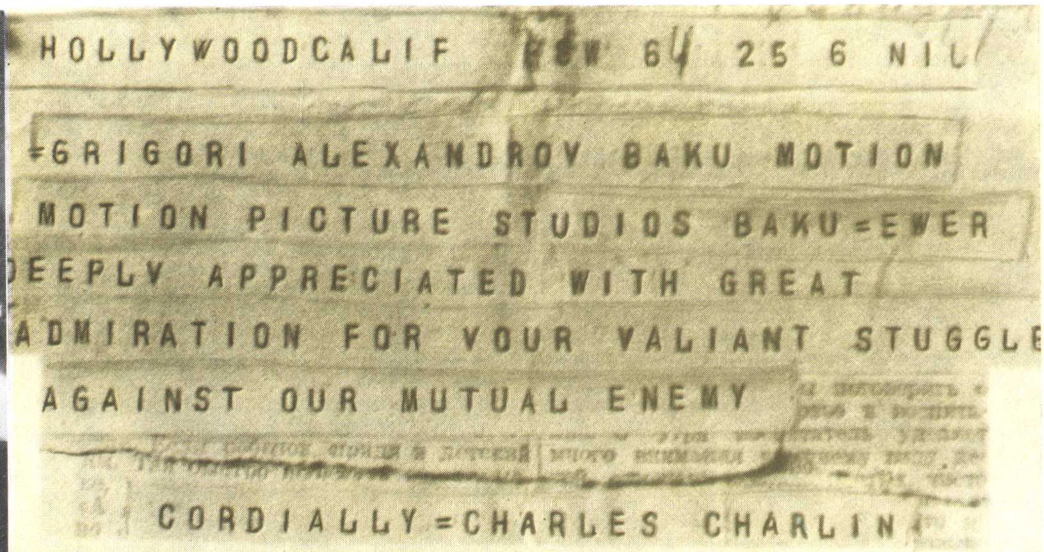
Приказ был выполнен. Части ФРЕЛИМО ликвидировали мятеж. Над Мозамбиком развевается знамя свободы и независимости.

Ю. ГОРЯЧЕВ

ХЕМИНГУЭЙ: "...В НЕОПЛАТНОМ ДОЛГУ ПЕРЕД КРАСНОЙ АРМИЕЙ"

С. ВИШНЕВСКАЯ

HOLLYWOODCALIF ... 64 25 6 NIL

=GRIGORI ALEXANDROV BAKU MOTION

MOTION PICTURE STUDIOS BAKU=EWER

DEEPLY APPRECIATED WITH GREAT

ADMIRATION FOR YOUR VALIANT STUGGLE

AGAINST OUR MUTUAL ENEMY

CORDIALLY=CHARLES CHARLIN

Лилиан Хеллман и С. М. Эйзенштейн.
Телеграмма Чарли Чаплина Г. В. Александрову: «До глубины души потрясен и беспредельно восхищен героической борьбой Вашего народа против общего врага».
Марлен Дитрих на празднике, посвященном освобождению Парижа.

Зимним днем 1944 года двухмоторный бомбардировщик С-43, развивающий скорость 240 миль в час, вылетел из Фэрбенкса на Аляске и взял курс на Москву. Помимо груза и экипажа, на борту находилась американка Лилиан Хеллман и русский паренек Коля. Так для известной писательницы началась культурная миссия в СССР.

Они летели над заснеженной Сибирью, примостившись на ящиках в хвосте самолета, по очереди грелись в кабине пилота (тогда место на ящиках занимал радист): отопление отказало на второй день. Они приземлялись в насквозь промороженных сибирских аэропортах, сидели у печурок. Коля, сумевший убедить начальство в своем знании английского, на самом деле говорил лишь «О'кэй», «Дьявол» и что-то вроде «Присядьте». И в ожидании летной погоды гостья и ее эскорт занимались языками... по 4 часа в день. «Его круглое, ясное детское лицо, руки, дрожащие от холода, когда он листал мой словарь, все еще со мной», — читаем мы в книге воспоминаний писательницы.

Бродили по Якутску, трещавшему от 50-градусного мороза, обедали у местной учительницы, до трех ночи слушали ее чтение и переводы Есенина. Снова летели над Сибирью, только теперь писательница уже не сидела на ящиках, она лежала, привязанная к ним веревками, обливаясь по́том и горя́ в жару — в ней бушевала пневмония. Время от времени радист на руках носил ее в теплую кабину, и тогда она скорее подсознанием видела в иллюминатор бесконечную тайгу, щетинившую внизу далекую землю...

Забытье. И голос Коли: «Урал, смотрите вниз». И через вечность: «Все хорошо. Скоро Москва. Может, через час». Затем он бумажными салфетками вытирал ее мокрое воспаленное лицо, неловко красил губы помадой, стирал и опять красил. Достал платье из чемодана, откуда-то из своего багажа раздобыл немыслимые чулки (вез маме в подарок):

— Переоденьтесь. Нехорошо в брюках. Должны выглядеть. Наденьте ваше платье. Чулки не подходят, я знаю. Других не нашел.

Говорил, провожая к кабине пилота:

— Пожалуйста, подберитесь. Это для людей.

— Коля, я бы хотела, чтобы ты родился у меня.

— Я скажу это своей матери, — рассмеялся он.

Через час бомбардировщик был в Москве. К самолету бежали люди с цветами. Но в памяти осталось только лицо Сергея Эйзенштейна, его слова на безупречном английском:

— Мы знаем, вы больны. Я настоял, чтобы не было речей.

Пять дней без сознания, чудодейственная новинка — пенициллин, а затем пять месяцев в Москве, поездка в Ленинград, на фронт.

Ольга Берггольц и другие рассказывали ей об ужасах блокады, но вот она сама идет по освобожденному Ленинграду, она видит девочку, прозрачную, как свечечка, которая каждый день ела только... маленький кусочек свечи. Она ходит дважды в неделю «в гости» к трехлетнему сироте, и он сидит у нее на коленях, и смотрит, не отрываясь, ей в лицо, и она узнает от воспитательницы, что мать мальчика была похожа на нее. Вот образец стиля Хеллман:

«Я пришла в госпиталь для тяжелораненых. Пожимала руки, говорила что-то фальшиво-клоунское, что всегда говорят люди, когда сталкиваются с безнадежно больными, когда вдруг в комнату вошел человек. Кажется, ему было 20, кажется, он был блондин, кажется, высок и тонок. Но большая часть его лица была оторвана. У него был один глаз, левая часть носа и

совсем не было нижней губы. **Он пытался улыбнуться мне.** Несколько часов потом я испытывала такое волнение, какого не знала никогда...»

Нелегкий, ершистый характер, склонность к сдержанности, самоиронии. Зато если прорывается чувство, то это чувство. Есть люди, живущие, например, внутри восклицательных знаков. Или многоточий. Писательница — в вопросах или музыкальных паузах, за которыми скрывается раздумье...

Иностранка, привыкшая к комфорту, налаженному американскому быту: писательский стол со стопками мудрых книг, спокойное свечение абажура, за окном — мягкая массачусетская зима. И блиндаж генерала Чернова на 1-м Белорусском. Бинокль к глазам — вот они, немецкие позиции. Кажется, рукой подать. Потрясение: руки резко опускаются. Через мгновение — шквал залпов. Враг заметил, как блеснул окуляр. И на полу в прифронтовом блиндаже затихла, пережидая взрывы, та же иностранка.

Она стремилась в СССР еще в трудном 42-м. Тогда вся Америка была потрясена смелостью людей, которые двум поколениям американцев преподносились, как нация покорных. «Собиралась сделать документальный фильм. И прилетела бы. Но оператор ушел на фронт, а Хеллман не представляла себе работу с другим. Фильм сделала в Голливуде по военной хронике. Тогда же написала сценарий «Северной звезды» — она шла и у нас, и в Америке. Наши зрители знакомы с Хеллман-драматургом: «Осенний сад», «Лисички», в войну — «Стража на Рейне». 1418 дней длилась для нас война. 150 из них провела с нами хрупкая иностранка. Так открывается Хеллман-человек. Прощаясь, генерал Чернов подарил ей коробочку. Внутри — зажигалка из пистолетного дула. Надпись неровными латинскими буквами: «От 1-го Белорусского фронта в знак глубокой памяти о вашем визите. Январь, 1945 год». Обычный подарок фронтовика фронтовику.

О Чарли Чаплине написаны тома, у нас вышла замечательная книга его воспоминаний, читатель мог лично познакомиться с гениальным художником. Он был первым деятелем искусства, который еще в «Диктаторе» показал миру жуткие плоды фашизма, когда иные видели только его всходы. «У Адольфа Гитлера много врагов, но один из злейших его противников — маленький человек, родившийся в одном с ним году: Чарли Чаплин», — писал тогдашний рецензент.

Былое обычно ясно, как черно-белая литография. Но ощутим на миг предвоенные годы. В США орудует разветвленная сеть нацистских агентов. Гитлеровское правительство заигрывает с Америкой, шлет президенту Рузвельту ноты протеста: «Диктатор»-де оскорбил их лучшие чувства, Аденоид Хинкель — клевета на честных людей». Дом Чаплина напоминает военный форт, вокруг рыскают фашистские террористы. Американские власти привлекают его к суду за... военную пропаганду, но приговор выносит история — вскоре сама Америка уже в состоянии войны. Пряча за прозрачной дипломатией злорадство, политиканы наблюдают, как Советы истекают кровью. Искренность Чаплина — вызов лицемерию. Она покоряет нас в его искусстве, она покоряет и в этом выступлении в Сан-Франциско в 1941-м:

— Товарищи! (Пауза и опять). Товарищи! Да, я не оговорился, именно товарищи! В этом зале, наверное, есть русские, и для меня назвать вас товарищами — высокая честь... Я не коммунист. Я просто человек. И, мне кажется, знаю людей. Коммунисты — такие же люди, как все. Когда они теряют руку или ногу, они страдают так же, как и мы, и умирают так же, как и мы. Мать-коммунистка такая же мать, как любая другая. Когда она получает трагическое сообщение о сыне, она рыдает так же, как любая другая мать. И сейчас русские матери очень много плачут, и очень часто сыновья их погибают... — В притихшей аудитории он продолжал: — Русские — наши союзники. Они сражаются не только за свою жизнь, но и за нашу. И американцы, насколько я их знаю, тоже хотели бы сражаться за себя.

...Тихий весенний вечер. Мы беседуем с Григорием Васильевичем Александровым, автором «Цирка», «Волги-Волги», «Веселых ребят». Через полчаса беседы письменный стол его домашнего кабинета уже завален фотографиями, книгами, рукописями. А из шкафа появляются все новые фото с Чаплиным, статьи о Чаплине, письма — свидетельства многолетней дружбы. Мир отмечает 30 лет победы над фашизмом; Григорий Васильевич видел, как фашизм начинался. Он помнит Германию 29-го года. Помнит, как вместе с Сергеем Эйзенштейном и Стрэнсбергом, немецким режиссером, они впервые увидели Марлен Дитрих — хористку в мюзик-холле «Винтер гарден». Можно сказать, что с того вечера, со встречи со Стрэнсбергом, началась Дитрих, которую мы знаем. Вскоре им пришлось прекратить работу над антивоенным фильмом «Ядовитый газ» — мешали нацисты. Впереди был Голливуд.

— Когда мы приехали в Голливуд, — неторопливо, изредка попыхивая сигарой, рассказывает Александров, — нас встретили, в общем-то, тепло, но там вели свою пропаганду местные нацисты, у которых «фюрером» был некий майор Пиз. Они выпускали свою газетенку, травили нас, в каждом номере «пропечатывали» — у кого мы были в гостях, и не скупились на угрозы тем, кто принимал нас. Кое на кого действовало. Чаплина, казалось, только забавляло. Они прислали ему пресловутый «Майн кампф», просили интервью. Чаплин бросил одну фразу: «Гитлер собирается покорить мир — это абсурд. Но то, что он украл мои усы, этого я ему не прощу». Вскоре он уже работал над «Диктатором».

Григорий Васильевич достает из папки телеграмму. У меня не хватает фантазии, чтобы представить, как она дошла до адресата — Александрова. Адрес — Баку, Северо-Кавказский фронт. Отправитель — Чаплин, Соединенные Штаты. Время — 42-й год. Сказались военные нехватки: лента наклеена на газету; условия приема, вероятно, были неважнецкие — в тексте ошибки. Через линию фронта, через гром и гул залпов летели эти сигналы: «До глубины души потрясен и восхищен героической борьбой Вашего народа против общего врага».

Марлен Дитрих... Это ее огромные глаза «довели» киношного критика, закончившего восторженную рецензию неожиданным вопросом: «О чем, черт побери, она думает, когда смотрит своим долгим, роскошным взглядом?»

На фашизм она смотрела трезво и в 1932 году покинула рейх. Ее фильмы были сразу же запрещены, только Гитлер тайно смотрел «Врага рейха» на домашнем экране. И когда уже в Лондоне ей звонил Риббентроп (тогдашний посол в Англии) и, суля золотые горы, триумфальный въезд в Берлин и самого Гитлера во главе встречающих, умолял вернуться в Германию, ее ответ был непреклонен: нет, никогда и ни за что. В 1963 году в Лондоне же вышел документальный фильм «Черная лиса» о возникновении и падении «третьего рейха». Текст в нем читает Дитрих.

Во время войны солдаты, сражающиеся с гитлеровцами в Северной Африке, Сицилии, Италии, Англии, Франции, Бельгии, Чехословакии, на Лабрадоре, в Гренландии, Исландии, могли видеть выступления Дитрих. Часто она давала концерты совсем близко от линии фронта. Слабое здоровье, пневмония... Ее, как и Хеллман, спас пенициллин. Она пела о войне и любви, их несовместимости, и каждая ее песня — законченная новелла, и каждая новелла — законченный шедевр. По предложению отдела пропаганды среди войск противника некоторые свои песни Дитрих записала на немецком и, не имея обыкновения гордиться собой, тут заметила: «Я никогда не была довольна собой. Но, записав эти адаптированные песни, я поверила, что сделала что-то по-настоящему важное».

В освобожденный Париж актриса вошла вместе с де Голлем, ей вручили орден Почетного легиона. Правительство США наградило ее медалью Свободы — высшей наградой, которой удостаиваются гражданские лица.

После одной из встреч с москвичами, горячей, восторженной, она сказала: «Мне кажется, у меня самой русская душа». Многим памятен ее визит в нашу страну в 1964 году, бурлящий Театр эстрады, тридцать вызовов... «Вернувшись в Лондон, она говорила о России в таких выражениях, — читаем мы в книге Ф. Лесли «Дитрих», — что они могли бы растопить все льды «холодной войны».

Мы рассказали о смелых, честных людях. Их бескомпромиссный вызов врагу прекрасен. Они сразу раскусили фашизм — это зло законченное, стопроцентное. В 1941 году ученый и философ Бертран Рассел сказал: «Всю жизнь я исповедовал пацифизм, но сейчас я впервые убежден в том, что без вооруженной борьбы свободу сохранить нельзя». Справедливая война рождала борцов. И если у каждого был свой путь борьбы, не такой, допустим, как у Хеллман, Чаплина, Дитрих, то все они одинаково видели в нашей стране **главную силу, способную сокрушить фашизм.**

...Умиротворяющая тишина читального зала в «Ленинке». Заботливо переплетенные газеты военных лет. Телеграммы друзей. Эрнест Хемингуэй — корреспонденту ТАСС в Нью-Йорке, февраль 1942 года: «24 года дисциплины и труда во имя победы создали вечную славу, имя которой — Красная Армия. Каждый, кто любит свободу, — в неоплатном долгу перед Красной Армией». Индийский писатель Радж Ананд: «Каждый день мы читаем эпическую историю, которую вы пишете своей кровью. Мы уверены в вашей победе над фашизмом. На этом зиждется наша уверенность в будущем».

Их много — горячих, искренних посланий. Под ними знаменитые имена. Я их знаю и люблю по книгам, картинам, музыке. И я заново влюбляюсь в них за то, что они были с нами. Теодор Драйзер, Рокуэлл Кент, Карл Сэндберг, Леопольд Стоковский, Юджин О'Нил, Эрскин Колдуэлл, многие-многие другие американцы. Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Джон Пристли, еще и еще англичане. Немцы — назову хотя бы Томаса Манна, Генриха Манна, Бертольда Брехта, Иоганнеса Бехера. Из далекой Австралии — Катарина Сусанна Причард...

Они были «за нас», когда по моей родной Ахтырке дважды взад и вперед прокатилась война (при последнем освобождении она трижды переходила из рук в руки — стратегически важные подступы к Харькову, — узнала я потом). Они были «за нас», когда от рвущихся бомб вздрагивала моя кукла, бледная в погребном мраке, когда в белоствольном сквере через дорогу вздымались до неба черные фонтаны чернозема — кто-то чудовищный открывал и закрывал диафрагму объектива. А в это время в Лондоне...

Небольшой кабинет в современной московской квартире. Ее хозяин Эрнст Генри — публицист, писатель — показывает мне книгу воспоминаний И. Майского, тогдашнего посла в Лондоне. «Неудобно было ходить по улице, — читаем мы на одной странице, — подходили англичанки и целовали руки». «Вы должны знать англичанок, чтобы оценить силу порыва», — улыбается Семен Николаевич (Э. Генри — литературный псевдоним). Перед его глазами прошла история. Он видел штурмовиков на улицах Берлина, видел, как беснуется рейхсфюрер перед микрофонами. В войну — дымящийся от бомбежек Лондон.

— Позвонил Герберт Уэллс и пригласил на обед, — вспоминает Семен Николаевич. — Домик в викторианском стиле, за обедом — по английским канонам — разговоры о чем угодно, только не о цели приглашения. И уже за кофе знаменитый писатель сказал, что он гордится своими старыми связями с Советской Россией, тем, что видел Ленина. Он выразил восхищение борьбой нашего народа.

Э. Генри получал открытки от Бернарда Шоу. Помнит строку: «Восхищен Сталинградской битвой».

И в это же время в Нью-Йорке... За один мартовский день 42-го там можно было посмотреть «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Фронтовые подруги», «Последний табор», «Валерий Чкалов», «Петр I», «Профессор Мамлок». На экранах — кинохроника о войне и среди них — «Разгром немцев под Москвой». Известная певица Кэйт Смит (я видела ее уже в 60-е годы, дородная, великолепная, чем-то сама похожая на русскую, признанный «всеамериканский голос») выступает в передачах «Мой брат живет в Сталинграде». Каждую неделю в эфире радиопрограмма «Это наша война». Крупнейший универмаг «Мэйси» в центре города — не объедешь, не обойдешь — специализируется на ширпотребе, а тут вдруг — распродажа 16-миллиметровых кинофильмов о защите Сталинграда. 19 июля 42-го года 150 оркестрантов Эн-Би-Си под управлением Тосканини исполняют Седьмую симфонию Шостаковича. В середине июня на специальном самолете партитура была доставлена в Лондон, 22 июня ее уже слушали англичане, и вот исполнение в Америке, музыка транслируется по всему миру. Выходит «Лайф» — в нем фото солдат, слушающих знаменитую «Ленинградскую». Самые большие сборы дают голливудские фильмы о России, о войне.

Бросим беглый взгляд на американскую буржуазную прессу тех дней. Листаю «Тайм» за 1941 год, купленные в нью-йоркской лавке старых журналов. У хозяина еженедельника Генри Люса трудное время. Будь его душа владыка, журнальный король дал бы волю своим давним антикоммунистическим страстям. Вот они прорвались на этой странице в номере от 30 июня: «Динозавры вцепились в глотку друг другу». Но в пору, когда симпатии большинства американского народа на нашей стороне, когда правительство президента Франклина Рузвельта выступает за сотрудничество с СССР, «королю» приходится менять тон. Так появляется корреспонденция в одну строку: «Одним полднем на прошлой неделе (начало октября. — **С. В.**) на Москву тихо упала первая снежинка». И вдруг — пронзительное по силе фото жителей Смоленска, снятых в момент боев. Вероятно, его прислала Маргарет Борк-Уайт, известная фотожурналистка. Вместе с мужем Эрскином Колдуэллом она ездила на фронт под Смоленском. Нет, на страницах журнала не видно сообщений о многотысячных митингах в поддержку СССР, проходивших тогда в крупных американских городах. Но сам факт такого фото на страницах «Тайма» — эхо настроений на этих митингах.

Полистаем еще один исторический документ. Дневники Геббельса. С методичной аккуратностью, неотрывным вниманием следит фюрер пропаганды за деятельностью господ люсов. Малейшие нюансы, колебания американской позиции в войне он регистрирует с точностью ЭВМ. Строит на них свои расчеты, выжидает, «конструирует». Читая дневник, особенно остро понимаешь, как путали его карты Чаплин, Хеллман, Дитрих, все те, о ком мы не смогли рассказать. Если бы Чаплину дали автомат, ну самое большое, что он мог сделать, — убить несколько фрицев. Еще скромнее были бы ратные успехи Дитрих или Хеллман. А искусство их покоряло миллионы. И деревянный, механический тон Геббельса меняется, когда он пишет о людях, вооруженных-то всего-навсего пером, песней или смехом. Больше того, он вносит их в список своих злейших врагов. Он мечтал превратить московские фонарные столбы от Белорусского вокзала до Кремля в виселицы и «уготовил на них место Алексею Толстому и мне, это я знаю», — говорил мне Г. В. Александров.

Мы попрощаемся сейчас с военным временем. Последний взгляд: оттуда — в настоящее. В те нелегкие годы зародилось сотрудничество. Его военный этап завершился рукопожатием на Эльбе командиров советского и американского патрулей лейтенанта Сильвашко и лейтенанта Робертсона. Не только долгожданная встреча военных союзников — рукопожатие народов, одинаково чтящих Шекспира, Толстого, Уитмена. Это очень много.

Сквозь послевоенный маккартизм и «холодную войну» прошла память тех лет, когда Хеллман летела на бомбардировщике из Фэрбенкса в Москву, когда Чаплин говорил знаменитое «товарищи!», когда Дитрих записывала «адаптированные» песни. Сотрудничество рождалось в нелегком противоборстве, но победило, и в этом исторический урок.

В наши дни, казалось бы, поддерживать связи легче. От Шереметьева до вашингтонского Далласа 9 часов лета на комфортабельном лайнере. Но и сегодня к сотрудничеству не ведут легкие пути. В совместной борьбе был восстановлен мир на земле. Сейчас нужно его укреплять.

Сегодняшняя разрядка родилась в результате упорной работы Советского государства, других социалистических стран, прогрессивных деятелей на всех континентах. Голос мастеров культуры, поддерживающих это развитие, слышат многие. Так происходит сегодня, так это было и тогда, в те грозные годы они были с нами и вместе с нашей страной радовались победе. Победе — одной на всех...

ДЖОАН БАЭЗ: «Я БУДУ ПРОДОЛЖАТЬ ПЕТЬ, ТО ЕСТЬ ПРОДОЛЖАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ ПОЛИТИКОЙ»

Известная американская певица Джоан Баэз записала в конце 1974 года новую долгоиграющую пластинку «Gracïas a la Vïda». В переводе с испанского это означает «Спасибо жизни».

В интервью корреспонденту американского журнала «Пипл» Джоан Баэз сказала:

«Эту пластинку я посвящаю памяти Виктора Хары и других чилийских патриотов, замученных в застенках хунты. Коллеги музыканты упрекают меня в том, что я слишком много говорю о политике. Но я не побоюсь повторить еще раз, что музыка политична. Ибо трагедия Виктора Хары — это еще и трагедия музыки, мир потерял талантливейшего артиста. А скольких еще чилийских музыкантов, актеров, художников и писателей ждет та же участь? Да и не только чилийских. И вот, как еще одно напоминание, чтобы эта трагедия не повторилась, я записала пластинку с песнями Виктора Хары.

Один мой голос — небольшая сила. Но если вместе со мной песни Хары будут петь другие честные певцы, и в том числе американцы, я верю, что мы сможем изменить судьбу чилийских политзаключенных.

У меня растет сын, и теперь я, как никогда, остро понимаю, что забота о нем — это не только забота о его здоровье, это забота о здоровье мира, в котором он живет. Чтобы мне и миллионам других матерей не довелось испытать горя матерей Чили, я буду продолжать петь, то есть продолжать заниматься политикой».

ОБИДА

Рис. Л. Корнеева

Музаффер БУЙРУКЧУ,
турецкий писатель

Бледный двенадцатилетний мальчишка в коротких, перешитых из плаща штанах, хлопая большими галошами на босу ногу, шел, прижимаясь к домам. Грязные голые ноги посинели от холода. Голова втянута в плечи. Хлюпнул носом. Глянул наверх. Увидел сначала окна, за окнами — розовые лица людей из страны благополучия и довольства. Их руки с дымящимися сигаретами, чашками кофе, чая... Люди в тонких чистых рубашках и нарядных платьях о чем-то беседовали, смеялись. Мальчишка глянул выше и увидел водостоки, влажную от дождя черепицу, трубы, выпускающие дым из печей. Главным был этот дым. Он напоминал о тепле, о счастливой жизни, о движении, о радости ухода и возвращения, о шири морских просторов. Клубы дыма лизали трубы, водостоки и, кружа, улетали, растворяясь в одноцветной пустоте.

Какое-то время мальчишка смотрел на улетающий дым. Потом вздрогнул, как от толчка. Перед его глазами возникла странная комната, в ней он мог бы жить, если бы был из тех, в чистых рубашках. Мягкая постель, мягкие кресла, стол... Он вошел в эту комнату. Огляделся. Открыл буфет. Положил на тарелку еду. Достал из шкафа носки, белье, рубашку, костюм, пахнущий нафталином. Оделся. Растянулся на диване, включил радио. Из приемника полилась музыка: она напоминала то терпкость петрушки, то кислинку ежевики, то белизну хлопка, то синеву туч, то расслабленную лень до отвала наевшегося человека. При желании звуки, издаваемые струнами и клапанами, могут принять любой образ: солнца, несущегося во весь опор, трепещущей листвы, гнущихся деревьев, ныряющего на волнах судна. Они могут походить на шум метел, на стук в дверь, на журчание воды в саду, на тарахтение швейной машинки... Играло радио, звуки скакали, как кузнечики, манили, пьянили, взывали, смеялись, неслись друг за другом. Мальчишка ворочался на диване и мало-помалу углублялся в ту невидимую миру жизнь, что сбивает с толку людей, имеющих глупость предаваться мечтам, позволяющих влиять на свои поступки то асфальту на улице, то клочку облака, то взгляду из окна, то ровной линии неба на горизонте. В этой жизни холмы,

овраги и колючий кустарник, ветра, снега, дожди и жара мгновенно сменяют друг друга. Им под стать мелькают даты календаря. Рождения, смерти, праздники. Март, апрель, май, июнь. В апреле — дожди, зачинает земля, лопаются зерна, в мае — зелень, разнотравье и оживление, в июне — созреванье плодов, светлые ночи, песни, прекрасные песни и пляски...

Мальчик ворочался на диване. В его памяти всплыло, как хлестала его крапивой бабушка, — глаза у нее были зеленые с желтыми крапинками, — а за что, он уже и не помнил; как он тонул в море и как спасся; как, наполняя кувшины у журчащего ключа в тени огромного грецкого ореха, он каждый раз дрожал от страха при звуке шагов или шорохе листьев: вот-вот из-за ветки, из кучи песка или из-за полуразрушенной стены мог появиться шайтан...

Он вышел из комнаты.

И снова очутился в своей реальной жизни, жесткой, как камень. То, что звалось воспоминаниями, существовало только, если войти в ту комнату. Теперь окружала его правда улиц.

Обычно те, кто среди огромной людской толпы значат не больше, чем косточка от маслины под ногами, считают виновными во всех своих бедах мать и отца. Он был одним из тех, кто думал так же.

«Нет для тебя хлеба! Ступай работать! Брось школу! Нечего там стоять! Не пей воду из этого стакана!» — с этого началось.

Потом пошло еще хуже: «Давайте отлупим его! Сорвите с него шапку! Подставь ему ножку! Оттаскай его за волосы! Он украл карандаш! Он украл мою тетрадь!»

Но все несправедливости, по его разумению, были только следствием первородного греха родителей.

Он двинулся дальше. В галошу налилась вода. Нагнулся, вылил, вытер галошу изнутри мешком, который нес под мышкой. Снова глянул наверх. выше крыш, выше труб, туда, выше домов.

Женщина следила за ним из окна: «Куда идет мальчишка?.. Ноги голые... В коротких штанах... Посинел от холода... Что за торба у него под мышкой?»

Мужчина с седеющими усами встал рядом с ней у окошка.

— Два дня сидят не евши.

— Вчера даже мангал не разжигали. Мать с детьми весь день ковыряла палкой в золе — может, хоть уголек остался.

— За квартиру, говорят, у них два месяца не плачено.

— Отец вешаться пробовал.

— Говорят, из-за болезни жены.

— Дали бы человеку работу!

— Кто даст работу вору?

— Кажется, оклеветали его.

— Говорят, ни в чем он не виновен.

— А кому растолкуешь?!

Мужчина чиркнул спичкой, закурил.

— Послушай, жена, а что, если мы им дадим немного угля?

— Давай дадим!

— И хлеба.

— И кастрюлю.

— От нашего супа отольем.

— Подарим мальчишке штаны.

— А отцу — пальто.

— И жене — платье.

— Собирай — отнесем!

— Я прихвачу еще коврик!

— Пошли...

...А мальчик, увязая в грязи, шел по улицам. Навстречу попадались редкие прохожие. Кто закутал голову шерстяным шарфом, кто надел высокие сапоги. Из винной лавки вышел мужчина с двумя бутылками вина. Кто-то толковал о чае с коньяком.

Перед одним из домов стояла жаровня, в ней полыхало пламя. С треском лопнул кусок угля. Мальчик протянул руки к огню. Холод уходил из пальцев, и он почувствовал боль такую, словно ногти разбиты камнями. Пальцы раздулись, набухли болью.

Мальчик вышел к морю. Громоздя друг на друга мутные лиловато-свинцовые волны, море наступало на берег. Чуть поодаль качалась у пирса баржа. Бородатые люди в толстых штанах, накинув на плечи клеенку, таскали к выстроившимся на улице грузовикам набитые углем мешки. С грохотом опрокидывали их в кузов, вздымая черную тонкую пыль.

За погрузкой следил человек у жаровни. Сидя на табурете — жаровня между ногами, — он грел над огнем руки и покрикивал на грузчиков. Грузчики, взвалив на плечи мешки, вполголоса отругивались. Гарсон из кофейни подбежал к жаровне, неся на подносе стаканы с липовым чаем.

— Ишь ты, свежезаваренный! — сказал, отхлебнув глоток, человек, кричавший на грузчиков.

— Разве я подам вам спитой, Азиз-бей! — откликнулся хозяин кофейни.

Мальчишка остановился поодаль. Поглядел на мешки, на море, на рассыпанные по песку куски угля. Прошел мимо людей у жаровни. Нагнулся, подобрал несколько кусков мокрого угля, сунул в торбу.

На берег вышли две девочки лет десяти, немытые, нечесаные, сопливые, и мальчишка в отцовской кепке — их сверстник. Кепка налезла ему на глаза, отчего все время приходилось задирать голову. У всех троих в руках торбы. Остановились возле Азиз-бея, поглядели на его руки, на жаровню, на липовый чай в стакане.

— Дяденька, — сжавшись от холода, проговорила одна из девочек.

— Послушай, дяденька! — подхватила другая.

— Дяденька, — повторил мальчишка.

— Живей! Пошевеливайтесь, нечего прохлаждаться! — крикнул грузчикам Азиз-бей.

Троица снова затянула свою песню «дяденька», как вдруг заметила чужого мальчишку, подбирающего уголь. Толкаясь и показывая на него пальцем, они подошли к нему, встали над головой. Одна из девчонок дала ему оплеуху, другая потянула к себе торбу, пнула ногой. Мальчишка подобрал рассыпавшийся уголь, встал, оглядел их по очереди и по очереди плюнул им в лицо.

Они убежали.

— Дяденька!

— Ну, дяденька!

— Слышь, дядя!.. Гляди, собирает уголь. Уголь собирает, дядя. Целую торбу набил!

Он уже стоял у другой груды. Троица снова подбежала к нему. Толкотня, брань, ненавидящие взгляды, сжатые кулаки.

Один из людей Азиз-бея, заметив, что четверо ребятишек возятся у рассыпанного угля, хмыкнув, схватил палку и побежал к ним. Дети не заметили, как он очутился рядом.

Мальчишке в кепке палка угодила по рукам, растрепанным девчонкам в материнских обносках — по красным от холода ногам. Мальчик в коротких штанах получил удар по спине, уткнулся носом в песок. Боль он услышал, когда поднялся. Но, поднявшись, услышал еще и другое: тепло земли, удары волн, говор песка, покачивание баржи, крик матери. Он сам теперь испытал, что такое побои, узнал, что такое страх.

Огромного роста мужчина с палкой в руке стоял над ним, расставив ноги. Мальчик испуганно поднял пустую торбу, попятился. Но получил еще один удар палкой.

Человек замахнулся снова, но не ударил. Все четверо бежали вместе.

— Воры! Ублюдки! — неслось им вслед.

Издали, потирая руки и ноги, дети какое-то время следили за человеком с палкой. Потом мальчик в коротких штанах перевел взгляд на Азиз-бея, прихлебывающего липовый чай, на мангал. Остальные глядели то на него, то на свои пустые торбы.

— Очень больно? — спросил мальчишка в кепке.

— Он меня по ногам ударил, — сказала одна из девочек.

— А меня по рукам, — сказал мальчишка в кепке.

— Конечно, — сказала другая девочка. — Мы маленькие, вот нас и бьют.

И они разошлись, каждый в свою сторону.

Он вернулся домой в слезах.

— Ты чего плачешь? — спросила мать, обнимая его за плечи. Увидела пустую торбу. — Не плачь. Ну не нашел, что теперь делать?.. Видишь, мангал? Соседи дали... И суп с хлебом тоже... И коврик принесли... А тебе штаны подарили... Погрейся, я налью тебе супа.

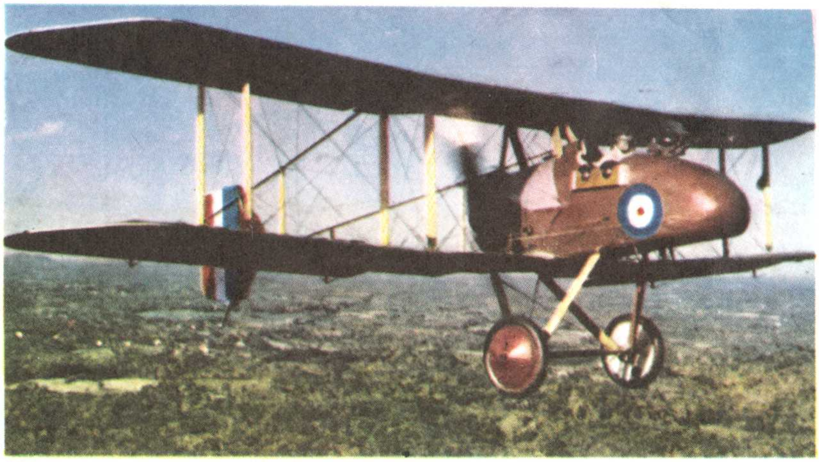
Мальчик сел. Долго глядел на суп, который мать поставила перед ним.

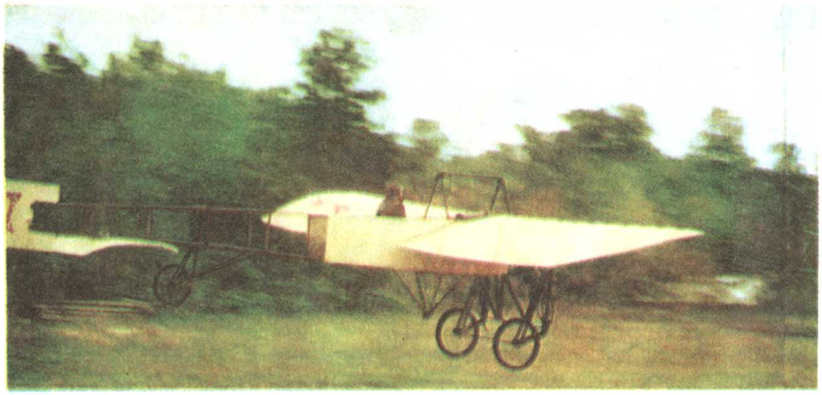
— Не стану есть, — сказал он. — И штаны не надену.

Подошел к окошку, сел.

Мать увидела, что он снова плачет.

Перевел с турецкого Р. ФИШ

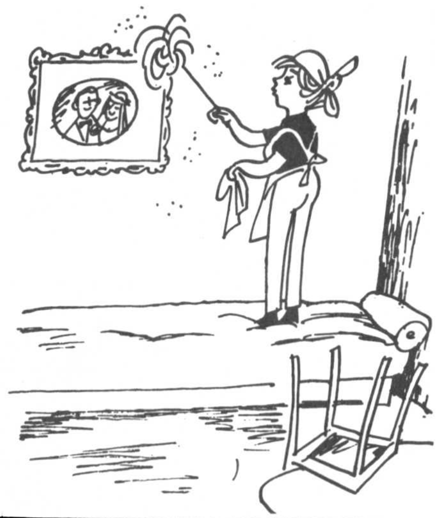

САМЫЕ ПЕРВЫЕ АППАРАТЫ

Дребезжа и трогательно подпрыгивая, разбегается самолет Блерио (его вы видите на верхнем снимке) — родной брат того, на котором храбрый француз перелетел через Ла-Манш, установив рекорд дальности полета 1909 года. Пилот выглядит точь-в-точь как ас довоенных (имеется в виду первая мировая война) времен — с геройски подкрученными усиками, в замечательно скрипучей кожаной куртке и в настоящих авиационных очках с черной резинкой на затылке.

А собравшиеся мальчишки, для которых и полеты в космос стали обыденностью, с не меньшим, чем в дедовские времена, нетерпением жаждут крутануть пропеллер английского «сонвича» или французского «спада» (год выпуска 1913) и услышать старомодную команду: «От винта!»

Все эти летающие памятники собрал американец Кол Пэйлен. Он говорит: «В отличие от других авиационных музеев, в которых экспонаты стоят на приколе, отгороженные от посетителей крепкими барьерами, мои «летательные аппараты тяжелее воздуха» можно потрогать руками и, главное, увидеть в полете. Иногда мы устраиваем воздушные парады — вот где раздолье для кинолюбителей! А жемчужина коллекции — орнитоптер стал настоящей кинозвездой. Он снимался в фильме «Воздушные приключения» (фильм шел и на советских экранах. — **Прим. ред.**). Но посетители тянутся в музей еще и потому, что устали от бешеных скоростей и сложностей нашего времени, а старенькие, какие-то «домашние» самолеты вызывают у людей нежность и, по-моему, даже большее доверие, чем современные реактивные чудища, к которым и приблизиться-то боязно».

КАЛОРИИ ДЛЯ СЕМЕЙНОГО УЮТА

Как сообщает журнал «Уикенд», английские ученые установили, что домашняя работа требует от женщин значительно большей затраты энергии, чем расходуют на своем рабочем месте их мужья. Развешивание выстиранного белья, утверждают они, более утомительно, чем вспашка участка земли трактором, а мытье окон труднее той же протяженности работы водителя такси. Самым же тяжелым видом женской работы является глажение: оно поглощает за час столько же калорий, сколько расходует каменщик на стройке.

ЧИЛИЙСКИЕ ДЕТИ РИСУЮТ

Как и сотням других семей, Пересам пришлось покинуть Чили после установления там военно-фашистского режима. Их трое детей обрели дружбу, свободу и счастье в ГДР. Они так и назвали свой рисунок: «Дружба — Свобода — Счастье», и послали его в журнал «Нойе берлинер иллюстрирте». Той же мыслью — солидарность всех детей мира с детьми Чили — проникнуты и рисунки других чилийских ребят, помещенные в том же номере «НБИ». И еще в них мелькают уверенные слова: «Венсеремос! Мы победим! Будущее — за нами!»

„КРЫСОЛОВКА" НА СТУДЕНТОВ

У подъезда американского консульства в Париже собралось больше двухсот молодых людей, которые горячо требовали отправить их домой, в Штаты. В чем дело? Как объяснил корреспонденту парижского еженедельника «Экспресс» 19-летний бостонец Джон С., он и его товарищи попались в «крысоловку». На жаргоне жульнического бизнеса так называется операция, жертвами которой становятся сознательно и добровольно.

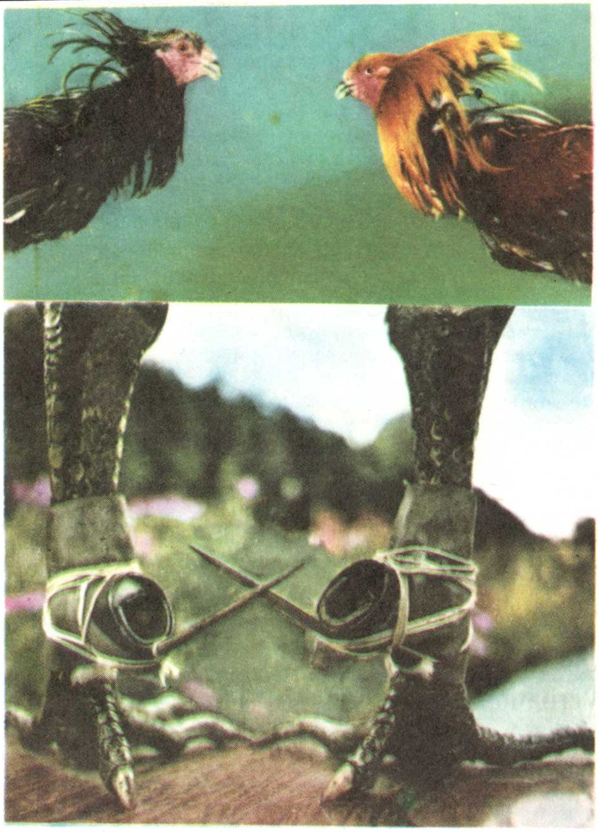
Дело в том, что ежегодно на медицинские факультеты американских университетов поступает больше 35 тысяч заявлений: принимают, однако, лишь 10 тысяч человек. У остальных оказываются два выхода: либо отказаться от будущей профессии, либо поехать учиться за границу. Именно последний вариант горячо рекомендует в своих рекламных проспектах фирма «Франко-америкен грэдюейт элайнс». Ее глава, Альберт Шрагер, уверяет, что за 4 тысячи долларов фирма устраивает абитуриента в один из французских университетов. Сумма немалая. Однако в США обучение на врача обходится куда дороже — 12 тысяч. На призывы Шрагера откликнулось несколько сот человек. Что было дальше, нетрудно догадаться. Провалившись на экзаменах после 1-го курса — в основном из-за незнания языка — молодые люди очутились без денег в Париже.

А МЫ С ТОБОЮ НЕ ЖЕНАТЫ...

Что там толковать, жена в дом — другой дом. И с хозяйством она управится, и телевизор есть с нем вечером посмотреть. И вообще.

Примерно такие разговоры ведут промеж себя, собираясь на улице или в кафе, жители французской деревни Коррез в провинции Лимузен. Отчего же не жениться им? А не на ком. Селение как-то вдруг осталось без невест. Лет пятнадцать назад в соседнем городе — это километрах в пятидесяти — открыли текстильную фабрику и швейные мастерские. Девушки Корреза потянулись туда на работу: в деревне ее было мало. Уехали, да и остались там, все замуж повыходили. Мэр Корреза, 42-летний Андрэ Ганд (сам тоже холостяк), забил тревогу. На его призыв откликнулся мэр одной бретонской деревни Сен-Жуан-де-Лиль: «Приезжайте, есть у нас 17 свободных невест, и оставайтесь здесь жить». Не согласились на такое коррезцы. Мыслимое ли дело — бросить отцовские дома, фермы и приехать в чужие места! Сами пригласили девушек из Сен-Жуан-де-Лиля. И теперь вот ждут ответа.

ВСЕГДА — БОЕВОЕ НАСТРОЕНИЕ

Знаете ли вы, какой тираж у французской газеты «Галльский петух»? Триста тысяч экземпляров. Газета пишет о политике, о бюджете и о многом другом. Но все это без исключения относится к петушиным боям. Политику битв пернатых регулируют 25 тысяч владельцев петухов. Бюджет обеспечивают 300 тысяч болельщиков, собирающихся на 200 «галлодромах» — так называются арены петушиных боев. К ноге бойца приматывают острое лезвие, и тот старается подпрыгнуть выше противника, дабы поразить его. После пяти боев героя (если он уцелел) отправляют на заслуженный отдых к курам.

С ОПОЗДАНИЕМ В 400 ЛЕТ

«Эта земля по праву ваша. Я возвращаю ее с опозданием в 400 лет» — так заявил знаменитый американский актер Марлон Брандо, передавая в дар индейцам принадлежащие ему 16 гектаров земли в 30 километрах от Лос-Анджелеса.

«Люди моей профессии глубоко виновны перед индейцами, — продолжает Брандо. — Фильмы-вестерны породили психологию несправедливости. Вот почему я считаю своим долгом сделать этот шаг».

Но шаг оказалось сделать не так просто. Марлон Брандо передал индейскому племени часть семейной фермы. Другая часть принадлежит его сестре Фрэнсис, которая наотрез отказалась иметь соседями «дикарей». «Марлон надумал курить с ними трубку мира! — воскликнула она. — Что ж, а я выйду на тропу войны!» И подала на брата в суд.

РЕКОРДСМЕНЫ. Начало весны техасский город Даллас встретил новым достижением. «За последние 13 дней и 29 минут, — сообщили власти города, — в Далласе не было совершено ни одного преступления». — «Конечно, это не значит, что в эти дни меньше стреляли, — прокомментировал сообщение шеф полиции. — Просто не попадали».

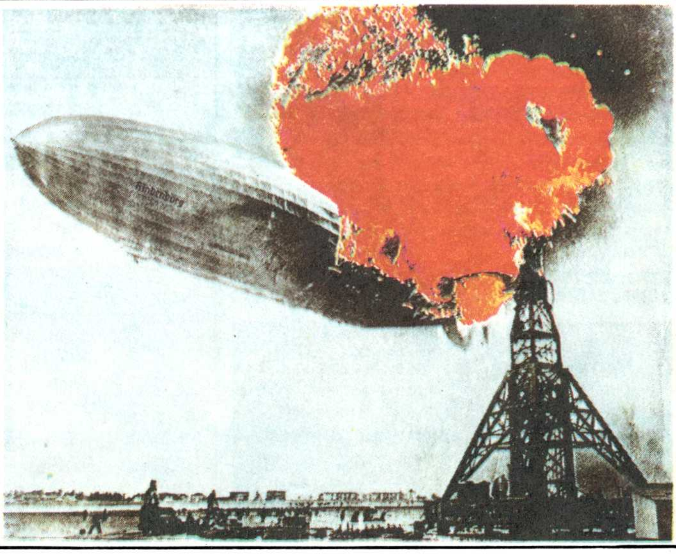
КОТЛЕТЫ. Британский филиал американской фирмы по выпуску котлет-«гамбургеров» решил заказать Полу Маккартни рекламную песенку о своем изделии. «Произведение будет объективным, — сказал по этому поводу певец. — Ведь я вегетарианец».

КИНОДЕБЮТ „ГИНДЕНБУРГА"

Разрабатывая новую «киножилу» (направление это зовется «фильмами катастроф»), Голливуд готовит к выходу картину «Гинденбург». Речь идет о знаменитой катастрофе гигантского дирижабля «Гинденбург», совершившего с десяток трансатлантических рейсов по маршруту Германия — США. Сохранилась пленка с записью радиорепортажа, который вел в дождливый, ветреный полдень 6 мая 1937 года журналист Герб Моррисон. Он видел, как несколько раз, борясь с ветром, дирижабль приближался и отходил от мачты, видел, как оживленно махали руками в освещенных иллюминаторах пассажиры. Он так описывал эти мгновения: «Это летающий дворец... Это сам символ роскоши и скорости. Этой огромной серебристой акуле нет равных в мире... Вот наконец дирижабль приземляется...»

И через мгновение — катастрофа. «Он опускается, дамы и господа! Какое это великолепное зрелище! Вот и солнце прорвалось сквозь облака... О-о-о! Он горит, горит! Что происходит?! Это ужасно, он горит!.. Падает... Это одна из величайших катастроф в мире... Какой удар... Он дымится и горит... Мне никогда не забыть этого мгновения... Ничего страшнее я не видел... И эти люди там, внутри...»

Ровно 34 секунды длился пожар в «Гинденбурге», стоивший жизни 36 человекам и надолго закрывший «эру дирижаблей». Сейчас, однако, все говорит о том, что начинается новая жизнь безопасных и экономичных дирижаблей. Не случайно на съемки фильма «Гинденбург» приехало большое число инженеров и конструкторов.

Говорят, что аплодисменты — «хлеб актера»: артист живет до тех пор, пока пользуется вниманием публики. Однако до чего же разный «хлеб» у испанки Масьель и англичанина Элтона Джона!

Начало карьеры Масьель было шумным: премии на конкурсах, гастроли и все прочее. Тем бóльшего уважения заслуживает ее шаг от непритязательных эстрадных песенок к высокой гражданственности. Многим критикам пришлась не по нраву такая смена «образа»: ведь нравиться всем можно, лишь потакая всем... Шумный успех, вернее его пена, пошел на убыль, но зато у артистки появилась своя аудитория, контакт с которой идет от сердца к сердцу.

ЭТА СТРОПТИВАЯ МАСЬЕЛЬ

Борис СИМОРРА

Очередь возле кассы не оставляла никаких надежд попасть на концерт. Я не очень понимал, почему столько народа. Ну ладно, я о Масьель знаю, так сказать, по долгу службы. Масьель была на Кубе, выступала на международном фестивале песни в Барадеро и заняла там первое место. Но откуда о ней узнали москвичи? Потом я понял — скорее это интерес к Испании, к ее людям...

Публика уже заранее была хорошо настроена, а я приготовился смотреть и судить беспристрастно — слишком много о певице слышал и боялся, что она подведет меня, что ли.

Свой концерт Масьель построила необычно и интересно: каждой песне, будь то «Аргентинское танго» в память известного композитора танго Пиацолы, или сатирическая песня Жоржа Брассанса «Дурная репутация», или же «Аллилуйя» Луиса Эдуардо Ауте, или песня греческих патриотов «Виоланс» («Насилие»), Масьель предпосылала маленький рассказ — говорила о связанных с песней воспоминаниях, представляла автора... Масьель пела, и это было естественным продолжением ее рассказа, и так весь концерт: рассказ — песня, рассказ — песня. И такая во всем этом была непринужденность и искренность, что, я уверен, каждый из зрителей чувствовал себя не в театре, а в гостях у Масьель. И поет она просто по просьбе друзей. Вот почему на концертах (в Москве я был на всех, а о гастролях в других городах мне рассказывал переводчик) контакт Масьель с публикой был абсолютным. И было приятно от того, как легко «заводился» от ее песен зал.

А потом я с ней встретился. Она отличный собеседник — искренний, легко говорит о себе, хорошо слушает.

— Настоящее мое имя Мария Анхелес Сантамария Эспиноса — длинно, да? Масьель меня окрестил мой учитель балета — я в детстве балетом занималась. Он мне прочил большое будущее и поспешил дать звучное имя. Балерины, правда, из меня не вышло...

— Зато вышла хорошая певица Масьель. Как случилось, что ты начала петь? Я слышал, помимо балета, ты увлекалась многими вещами. (На «ты» мы перешли сразу же: у испанцев это принято.)

— Да, я снималась в кино, очень увлекалась театром. Как стала петь? Опять же из-за тяги к сцене. Еще девчонкой увидела выступление Жака Бреля. Меня его манера пения тогда потрясла, я с тех пор, пожалуй, лучшего не слышала... И решила попытать счастья в песне. Много занималась, готовилась и вот наконец первый раз выступила. Было это в 1966 году...

Успех пришел к Масьель стремительно. Это тоже в ее характере: быстрая она какая-то. Одна за другой следовали победы на национальных и международных конкурсах песни: на фестивале в Пальма-де-Майорка в Испании, на «Фестивале Розы» в Риме и в Барадеро на Кубе, на традиционном празднике песни в Рио-де-Жанейро... И наконец, девятнадцатилетняя Масьель занимает первое место на фестивале «Евровидение-68», опередив многих знаменитостей Европы.

— Масьель, а почему ты стала петь песни социального плана? Ведь ты уже вроде была «решена» как типичная эстрадная звезда?

— Понимаешь, я очень быстро устала от шлягеров — одно и то же. Не хочется тратить свои силы на всякую чепуху, а делать что-либо поверхностно я не люблю.

И Масьель поднялась «на виток выше». Все чаще она поет о боли униженных, лишенных свободы, о насилии, неравенстве. Эти песни пишут для нее известные прогрессивные испанские поэты и композиторы: Луис Эдуардо Ауте, Луис Гойтисоло, Хосе Луис-и-Пабло, Пабло Эрреро... Пишет такие песни и сама Масьель. Самая известная, пожалуй, «Возьми камень, оставь цветы»:

Приятно слышать,
что люди все равны,
что всем светит солнце
и поют соловьи.
Но эти слова —
лишь красивый цветок,
а право твое —
могильный венок...

Ответь на любовь
любовью ты.
На подлость же
камень возьми,
оставь цветы...

Поиски в песне социальной глубины, острой злободневности, даже плакатности, постоянное стремление певицы к максимальной сценической выразительности привели Масьель к творчеству Бертольда Брехта.

— С брехтовским спектаклем приключилась настоящая детективная история. Режиссер не рассчитывал, что удастся долго избегать запрета цензуры. Но мы переезжали из города в город, и запрещения приходили уже после нашего отъезда! Так мы продержались почти целый год. Я записала пластинку с песнями из этого спектакля — она разошлась мгновенно...

Обращение певицы к новым песням было встречено обывателями в штыки. Все, кто хотел видеть в молоденькой певице «красивую куколку», рекламную «звезду» телевизионных шоу, этакую «мисс-испаночку», предназначенную для показа на фестивалях, были задеты за живое: «Где прежняя Масьель?», «Что случилось с нашей Масьель?» Критика язвила: «С такой-то мордашкой и петь о войне?»

— Как объяснить такую бурную реакцию? Когда ты стремишься к новым рубежам, нередко оказывается, что широкая публика не хочет понять твоего перехода. Но в конце концов нужно отстаивать свою линию действия, не обращая внимания на вкусы «среднего зрителя».

В этих словах, пожалуй, вся Масьель, ее твердое понимание своих позиций в искусстве. Она и как личность, и как художник удивительно гармонична и целостна. И всегда профессиональна. Для нее нет легких эстрадных песен и сложных брехтовских баллад. Все песни для нее одинаково серьезны и одинаково сложны. Это, кстати, отмечал и известный английский певец Том Джонс, приглашавший Масьель в свою часовую телевизионную программу.

Каждая новая работа Масьель вызывает бурную реакцию прессы. Пожалуй, никто из артистов в Испании не может похвастаться таким «неравнодушным» к себе отношением. А если добавить к этому, что спектакль по пьесе прогрессивного испанского драматурга Антонио Галы «Удачи, чемпион!», в котором Масьель играла главную роль, был запрещен цензурой — тут власти оперативно отреагировали, еще до премьеры, — то станет понятно, что удачи среди официальных вкусов и мнений Масьель не ищет. И ее успехи в Испании и за рубежом — это завоевания только ее таланта, а не рекламы музыкального бизнеса. И хотя Масьель давно уже затмила многих самых популярных певцов Испании, ее не хотят признавать те, кто делает официальную музыкальную политику страны... Слишком уж строптива эта Масьель, слишком неугомонна, с явно «дурной» репутацией.

Мне вспомнилась песня французского шансонье Жоржа Брассанса, которая так и называется — «Дурная репутация». Эту песню Масьель очень любит, особенно припев:

Ох, как люди не любят тех,
кто непохож на них на всех.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

Элтон Джон, напротив, начал с попыток найти свое собственное лицо. Человек, без сомнения наделенный талантом, он хотел в творчестве оставаться самим собой. Но выжить в сфере шоу-бизнеса можно только на гребне успеха — успеха любой ценой. И трезвый коммерческий расчет заставил его обратиться к вульгарному шутовству, которое он эксплуатирует ныне в хвост и в гриву. Только вот не уходит ли от Элтона Джона талант! Не занимается ли он обычной дешевой распродажей, на которую — как в магазины после конца сезона — реклама зазывает публику: «Спешите! Спешите!»

ВЫ СПРАШИВАЛИ

ВЫПУСКНИК КОРОЛЕВСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ

Маргарет ИНГХЭМ,
американская журналистка

Впервые я увидела его несколько лет назад в «Филмор-исте» (теперь этот зал уже не функционирует, а тогда он был центром нью-йоркских поклонников рок-музыки). Приученные к выходкам «рок-фэнов», билетеры здесь не стеснялись в выражениях, но я столь явно выпадала из общей массы юных зрителей, что ко мне обратились довольно вежливо: «А ну-ка проваливай с прохода».

В углу сцены появился ведущий.

— Леди и джентльмены! (Это выражение явно льстило хриплоголосой аудитории.) К нам прибыли из Англии... Ди Мюррей — бас-гитара, Найджел Джонс — ударные, гитара-соло Дейви Джонстоун и Элтон Джон, — он хотел, видимо, добавить «рояль», но дружный рев заглушил его.

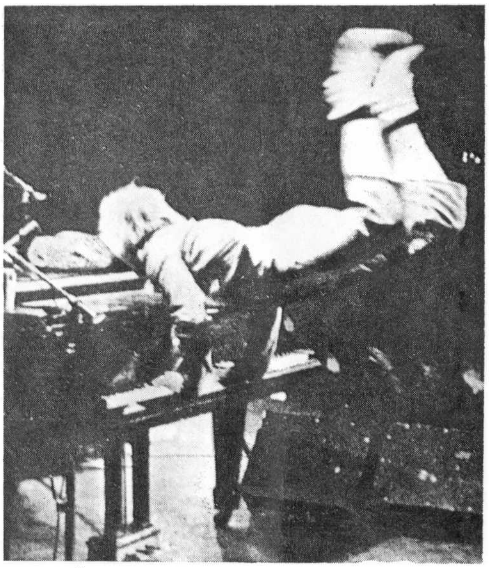
На сцену выходит группа. Не обращая внимания на ревущих поклонников, Элтон Джон садится к роялю и берет первые аккорды, потом следует несколько щекочущих арпеджио — школа видна сразу. Бас-гитарист исподтишка вторит глубокими, напевными звуками. Ударник скрывается за баррикадой из 13 барабанов и пока бездействует. Спокойно, еще спокойнее. Публика успокаивается.

Элтон Джон, слегка заглатывая слова, начинает петь своим высоким, немного сдавленным голосом. Голос мне хорошо знаком по пластинкам, но глазам своим я отказываюсь верить: господи, как может человек, окончивший Королевскую музыкальную академию, человек, который пишет, может быть, самую интеллигентную рок-музыку — тонкую смесь рока и стиля «соул», который поет вещи продуманные, отполированные и, главное, очень сентиментальные, — как может такой человек появляться на сцене в лиловом котелке, желто-зеленом комбинезоне и клоунских башмаках с крылышками!

Но дело не только в костюме. Он никак не хочет сидеть спокойно. То вскарабкается на свой концертный рояль «Стейнвей» и подбадривает аудиторию ритмичными хлопками, то проделывает серию акробатических номеров над клавиатурой: стойка, кульбит, опять стойка...

Публике это, судя по реакции, очень нравится, а я продолжаю пребывать в недоумении. Конечно, я привыкла к тому, что в наши дни рок-звезды появляются на сцене в нижнем белье, а то и в чем мать родила и жуют резинку во время пения. Но зачем все это Элтону Джону, музыканту, безусловно, неординарному? Одна надежда — после концерта у меня назначена встреча с Элтоном Джоном, и он, быть может, скажет, зачем ему весь этот цирк.

В разговоре Элтон Джон очень скован — как может быть скован только англичанин-провинциал. Он способен выдержать целое интервью и не сказать ни слова о себе. В данном случае мне просто повезло — у

него было «разговорчивое настроение». Я знаю, что у него было не очень веселое детство — педанты-родители методично вдалбливали в него старые прочные устои старой доброй Англии и стремились сделать из сына знаменитого классического пианиста. Он сидел за роялем, а за стеной мальчишки гоняли в футбол. И я спросила, не добирает ли он в этих своих трюках той игры, что не добрал в детстве.

— Понимаете, из меня никогда бы не вышел классический пианист — маленькая рука и очень плохая «растяжка», едва беру октаву. Но насчет цирка — это вы правы... Зрители ждут от меня всяческой эксцентрики, а мне приятно слышать изумленные возгласы. Вообще-то я спокойный человек и эксцентрикой в жизни не увлекаюсь. Во время концертов я так выкладываюсь, что у меня потом едва хватает сил дотащиться до постели. Я много репетирую, не отказываюсь выходить на «бис» — пусть зрители получат за свои деньги все, что им надо. А наутро опять в путь. Вот так и живу...

Я спросила, как он улавливает, что нужно именно этому зрителю и именно сегодня.

— Вообще-то все зависит от удачи. Вот Рег Дуайт, например, тот был неудачником. Бог знает сколько еще лет он играл бы в заштатных группках и пытался продать свои песенки, если бы этому самому Регу Дуайту (то есть мне) не пришло в голову сменить имя на «Элтон Джон». И колесо Фортуны повернулось — прямо-таки мистический акт! «Элтон Джон» сразу же стал набирать обороты. Немалую роль здесь сыграла еще и встреча с поэтом Берни Топином. Мы нашли друг друга по объявлению в музыкальной газете и с тех пор не расстаемся. Без стихов Берни я не смог бы писать музыку. Его слова дают мне сильнейший импульс к творчеству.

Сейчас этот тандем — Элтон Джон и Берни Топин — владеет восемью «золотыми» дисками и четырьмя «платиновыми» (продано по миллиону экземпляров). Пластинка «Прощай, желтая кирпичная дорога» — в десятке лучших дисков 1974 года.

Элтон Джон очень серьезно относится и к успеху, и к тому, что называется «имиджем» — образу, который возникает в сознании людей при звуке его имени. К встрече с фотографами он обычно готовится заранее — придумывает костюм, примеряет гримасы: не позволяет себе выпадать из имиджа.

— Было время, когда вас называли «вечным аутсайдером, гением за сценой». А теперь критики пишут: «Песок, которым некогда закидывали Элтона Джона, превратился в золотой». Как вы относитесь к золотому песку?

— Бережно. Мне уже двадцать семь, и я не знаю, как долго еще я смогу удовлетворять запросы подростковой публики. Я пока на волне, заработками не обижен, но ведь не исключен вариант, что мы слетим так же быстро, как выскочили на поверхность. Поэтому я даю то, что от меня требуют. Вы поморщились... Нет, я не циник. Просто годы безвестности и скитаний по сценам кабаре — а кабаре, должен вам заметить, это братская могила многих, даже очень незаурядных артистов — научили меня смотреть на успех, гм, философски.

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.
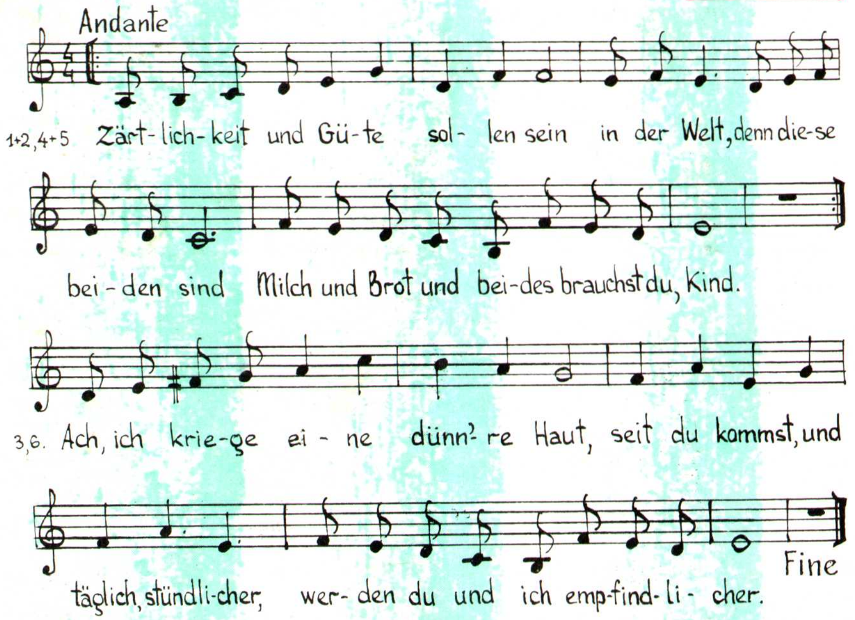
Сдано в набор 15/IV 1975 г. Подп. к печ. 23/V 1975 г. А08142. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 664.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

В феврале 1975 года в Берлине состоялся V Международный фестиваль политической песни, в котором участвовали 43 вокальные группы и солисты из 25 стран. Фестиваль был посвящен 30-й годовщине Победы над фашизмом. Его участники пели о советских солдатах, принесших мир и свободу странам Европы, о героях антифашистского подполья, о тех, кто погиб в концентрационных лагерях. Борьба за мир и свободу продолжается, вот почему на фестивале звучали также песни в поддержку народа Чили, знаменитая «Грандула, вила морена», послужившая сигналом к началу антифашистского переворота в Португалии, и песни о красоте мира, добре и справедливости.

«Ровесник» предполагает опубликовать лучшие песни берлинского фестиваля. Первое слово мы предоставляем его хозяевам — группе из Берлина «Год рождения — 49-й». Почему такое название? 1949 — год рождения ГДР.

Песня «Доброта и нежность» — это обращение матери к будущему ребенку. Музыку написал композитор Нойман, стихи — поэт Эггерс. Русский текст Вл. Лугового.

1. Zärtlichkeit und Güte sollen sein
in der Welt, denn diese beiden sind
Milch und Brot und beides brauchst du Kind.

2. Wenn ich mit dem dicken Bauch jetzt geh' —
durch die Stadt, dann geb' ich besser acht,
darauf, was man tut, warum man lacht.

3. Ach, ich kriege eine dünn're Haut,
seit du kommst, und täglich, stundlicher,
werden du und ich empfindlicher.

4. Und der, mit dem ich jetzt zusammen bin,
der wird darum auch dein Vater sein,
auch, weil wir uns beide auf dich freu'n.

5. Doch die Freude, Kind, ist noch sehr rar,
jeder Tag braucht seinen eig'nen Sieg
noch, bevor du gehen kannst, Kind, flieg'...

6. Nein, bleib hier, sollst sein, wie alle sind,
Menschen, ja und du ein kleines Menschenkind,
das die Beine braucht gegen den Wind.

1. Мой малыш, за весь этот мир
Пред тобой держу я ответ
В день, когда ты явишься на свет.

2. Так немного нужно тебе:
Вдоволь хлеба и молока,
Много неба; солнце и река...

3. От людей на этой земле
Так немного требуешь ты:
Каплю нежности и доброты.

4. Мой малыш, вот этим словам
Ты пока не знаешь цены:
За добро бороться мы должны.

5. Твоего прихода на свет
С нетерпеньем радостным ждем —
Этот мир и я с твоим отцом.

6. И когда настанет твой час,
Ты не сдашься в этой борьбе —
Вот чего желаем мы тебе.

Цена 20 коп.
Индекс 70781